

Леонард Золотарев

Малоархангельск
Глубинка русская моя

Орел
2013

ББК 84(2р) 6
3 80

Золотарев Л.М. – «Малоархангельск. Глубинка русская моя». Фотороман в четырех книгах, 2013. – 240 с.

ISBN 978-5-91468-123-1

Книга «Малоархангельск. Глубинка русская моя» – плод многолетней, неустанной работы автора – известного русского писателя Леонарда Михайловича Золотарева. Это книга о его малой родине в Серединной Руси – о Малоархангельске, о судьбе всей России на переломе времени.

Она представляет оригинальный, не совсем привычный для писателя жанр – фотороман в четырех частях с прозой, стихами и авторской песней. В фотоснимках собран богатый документальный, краеведческий материал, который показывает историю края, говорит об истоках нашей победы в главной битве на Центральном фронте под командованием Рокоссовского, в сражениях, развернувшихся на подступах к Малоархангельску. Эта книга о привлекательности русской глубинки в ее первозданности, естественности и современности, сохраняющей традиции Русского поля.

Фотокнига интересна, прежде всего, тем кто не забыл свои корни, кто жил тут, живет и будет жить, благоустривая и развивая свой край, свою землю, свой город, который в текущем году отмечает 70 лет своего Освобождения.

ISBN 978-5-91468-123-1

© Золотарев Л.М.

© Издатель Воробьев А.В.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга к юбилею – 235-летию города. О Малоархангельске, Малоархангельском крае, о связанной с ним накрепко кровными духовными узами Коренной пустыни.

Малоархангельск расположен на черноземах юга Орловщины, как раз меж Курском и Орлом. Монастырское поселение Архангельское в 1778 году было преобразовано Екатериной Второй в уездный город Малоархангельск. Это древнейшие места наших предков, о чем свидетельствует, например, городище у речки Дайменка, впадающей в Сосну-реку, у святого колодца Девятая пятница. Еще во времена Гомера, за две тысячи с лишним лет до нас, наши пращуры, а именно, скифы - скелоты, тут выращивали хлеба, которые через греческие города - полисы (Тамань - ей недавно отмечали 27 веков) шли кораблями в Элладу где вскормили немало мудрецов, таких, как Эвклид, Сократ, Платон, Аристотель, что способствовало развитию всей европейской цивилизации. Вот какова цена здешнему хлебу!

В XX веке, оказавшись в Великой Отечественной войне на стратегическом направлении, Малоархангельск стал, на мой взгляд, третьим по значению в войне после Москвы и Сталинграда, центром, доминантой на Орловско-Курской дуге. Недаром фронт именовался Центральным и командующим Ставка назначила успешного зарекомендовать себя в предыдущих сражениях Константина Константиновича Рокоссовского. Малый город, будучи главным на Центральном фронте, при умелом, талантливым руководстве Рокоссовского, фактически явился защитником Курска с юга и вместе с Болховом с севера-освободителем Орла. Именно отсюда, после операции «Багратион», пройдя к границе через Белоруссию, Центральный фронт, став Первым Белорусским, нацелен был на Берлин. Лишь перед штурмом Берлина Верховный Главнокомандующий заменил Рокоссовского Жуковым, переставив Константина Константиновича на любимый им фланговый удар с севера.

Малоархангельск - сердце Руси, корень русской нации, стихия родной, русской речи, известные литературные

места. Это еще и недра Курской магнитной аномалии, девонская белая глина. Национальные святыни во все времена создавали всплеск патриотизма, мистическое ощущение Родины. Тут началась по сути народная война, придав событиям глубокий общечеловеческий смысл. Солдаты из местных, в основном хлеборобы, воевали за свой дом, свою семью, как и за Русь коренную, неделимую, непокоримую. Конечно же, в общем потоке всех многонациональностей великой страны. Именно тут, слишком долго, отступая от самой границы, мы остановили врага. Тут, в самом сердце России. Именно тут, под Малоархангельском, проявился решительный характер, стратегическое значение несданного врагу, освобожденного города. Именно отсюда, наша армия пошла на Берлин и ни пяди назад.

В сорок третьем тут, в этом месте, у истока Оки, при прорыве вражеской обороны, погибали по две дивизии в день. Многие со всей великой страны легли в обгащенной кровью степи. На подступах к Малоархангельску Сабуровское поле (после Куликова, Бородино, Прохоровки) - четвертое героическое поле России. В одной атаке, брошенные в бой почти без оружия, тут, под Сабурово, на каких-то десяти гектарах, легли сразу десять тысяч наших сынов, в основном хлеборобы, из местных: малоархангельские, должанские, ливенские, колпнянские. Всего на Малой дуге вокруг Малоархангельска пали смертью храбрых больше населения нынешнего Орла.

Именно тут, где испокон веков предки наши, возделывая землю, выращивали хлеба. Еще со времен Гомера, под эгидой праславянского бога Велеса, это зона устойчивого земледелия. Летом 2009 года опять-таки тут проявился твердый характер Русского поля. Когда в традиционных хлебных краях России - на Кубани, в Оренбуржье и на Алтае - случилась засуха, тут у нас, на юге Орловщины, на малоархангельском черноземе, был выращен значительный урожай зерновых. Тогда же тут проходило Сопровождение руководителей хлебопекущих областей, Академии сельхознаук России при участии белорусских, украинских ученых - селекционеров.

Одним из первых, обходя с «лейкой и блокнотом» поля за полями в окрестностях Малоархангельска, я заметил

зреющий урожай , ударил в колокола.

Русское поле, Малоархангельск.

Как Москва и Рим, он на семи холмах.

В Малоархангельске, как говорится, все есть. Как у Москвы и Орла, у него тоже восемь дорог (в Москве имеется в виду наличие на въезде станций «скорой помощи», а в Орле - просто дорог, выводящих за пределы города). Но ведь это же Малый город. Отсюда вывозят хлеб, белую глину, по оргнабору всегда отправляли людей то в Москву, в Орел, то, бывало, на Дальний Восток, в Сибирь, в Крым, в Калининградскую область.

Выдержав в Отечественной войне проверку сражением на главном, стратегическом направлении, а также проявляя себя на хлебном поприще, на полях войны и мира, Малый город в широкой русской степи заслуживает, на мой взгляд, большего внимания, лучшей доли, роста и процветания.

Автор

Вот гляжу и нет, не наглядеться.
В удивленьи жизнь моя прошла,
Как в такое маленькое сердце
Ты вместиться, Родина, смогла?

Леонард Золотарев

КНИГА ПЕРВАЯ

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

Храм Михаила Архангела

Въезд в город. В 1778 году село Архангельское по указу Екатерины Второй было преобразованно в уездный Малый город Малоархангельск.

В святом углу, под лампадкой.

По этой дороге на юг, проезжал Александр Сергеевич Пушкин. Говорят, его приняли тут за важную птицу, Гоголь после создал своего «Ревизора». Мы с моим учителем Иваном Алексеевичем Семеновским решили когда-то: памятнику поэта тут быть. И вот 6 июня, в День рождения национального гения, ежегодно я провожу тут, у памятника, Праздник поэзии – День Русского языка.

Наш дом, где бывал праправнук поэта Григорий Григорьевич Пушкин. Дом расположен на той же улице, что и памятник.

А это у нашего дома мэр города Александр Сергеевич Трунов (крайний справа) и мы со своими друзьями – французами из Швейцарии.

Вид на наш дом от соседей

А это наш колодец. Прямо на улице, напротив наших окон. Его перенесли сюда с нашего двора. Берем мы воду отсюда и пьем. И песню поем, которую я написал про этот колодец. «Ключ-колодец (Серебряные ключи)».

В нашем доме. Моя жена Людмила Серафимовна с нашим сыном Игорем под ковровой Казанской Божией Матерью с младенцем – защитницей Руси.

У нас во дворе. На забалинке. Еще школьницами, а потом и студентками они учились у Людмилы Серафимовны французскому.

Это Лариса Семеновна – наша соседка. Видите? Ее домашний музей, всю жизнь собирала она экспонаты. Нажили с мужем троих сыновей. Один в один, офицеры.

*А это библиотекари, мои читатели и почитатели
в городской библиотеке.*

А это хранилище книг, в том числе и моих, Малоархангельская библиотека. На первом этаже – детская, на втором этаже – взрослая городская библиотека.

*В нашем саду под яблоней.
Моя книга «Любящая Мария» на ландышах, принесенных мной из Мурашихи. Где читал, там и оставил, пусть полежит.*

*В музее Трудовой славы.
Людмила Серафимовна у портрета Анны Васильевны Ивановой – моей учительницы французского. Она первой стала преподавать его в нашем городе, в нашем классе.*

И вот уже куда пробрались наши с Игорем книги – во Францию, в провинцию Шампань-Арденн, в Реймс. Это в медиатеке француженка Аник Плет с нашими книгами.

Центр Малого города. Фонтан открыт в День Победы. Как освежает! Любимое место горожан.

А это – если посмотреть на тот же фонтан с другого ракурса. Видите, местный Дворец правосудия.

Кинотеатр «Колос». Стоит на месте церкви, которая была похожа на Софийский храм в Киеве. Теперь в «Колосе» проводятся научно-практические конференции по хлебовозделыванию. На базе Центрального Черноземья, а порой и всей России.

Терем-теремок, кто в тереме живет? Интересуются жители, проходя мимо по дороге к городскому рынку.

И тут люди живут, как в большом городе, со всеми удобствами. По веткам брызнуло зеленью.

В Малоархангельске все есть. Даже «Детский мир» с такими чудесными окнами.

А это магазинчик «У каштана». Кстати, он под этим деревом, еще довоенном, в городе тут самым старым по возрасту. И как сохранился ?

И опять в центре города. «А я иду, шагаю, как в Москве».

Вид от старой аптеки на Дворец правосудия.

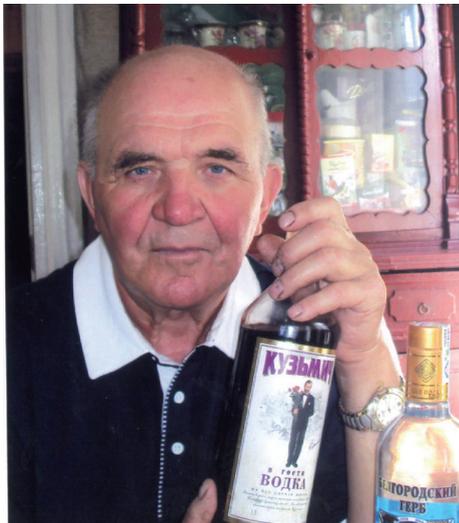
Тоже на нашей улице. «Сбербанк» – где деньги лежат.

А это я уже зимой, на нашей улице, в нашем дворе. А снег идет, какие крупные хлопья.

Свет в окошке. За ним я читаю, думаю и пишу.

А порой ко мне приходят друзья мои с детства. Это полковник в отставке Коля Мозжухин, Николай Кузьмич. Зашел вот с бутылкой под названием тоже «Кузьмич». Шутка.

А то однажды ко мне явились эти друзья мои с детства. Слева направо: Николай Мозжухин, Александр Денисов (бывший редактор районной газеты «Звезда»), Виталий Романчиков (бывший председателем тут в Дубовике). Представьте себе, все три Кузьмичи. Ну и я – примкнувший к ним Михалыч.

Это поликлиника и на фоне ее хирург, как говорится, от бога: Вадим Викторович Семашко. Как по Чехову: в Греции все есть, и в Малоархангельске тоже. Даже однофамилец наркома здравоохранения – свой тут у нас Семашко.

Помню, сижу на скамейке в Парке героев. А это идут приглашать меня на трибуну, рядом тут – на Центральную площадь. Сказать людям слово о Малоархангельске в День города – 5 сентября.

Как говорят ораторы, дети – «цветы жизни». Но где они тут, эти «цветы», в Детском парке, за елями, что позади Пушкина? А вот он тут всего один ребеночек с мамой. Однако в будущем, может, тоже поэт? Или, может быть, будущий мэр? Или судья во Дворце правосудия? Скорее всего, хлебороб в нашем хлеборобном крае.

А вот юный музыкант. На фортепьянах со своими преподавателями из Детской музыкальной школы. И вот слева – её директор Надежда Стефановна Загудаева, а справа – педагог по вокалу Галина Семеновна Абакумова.

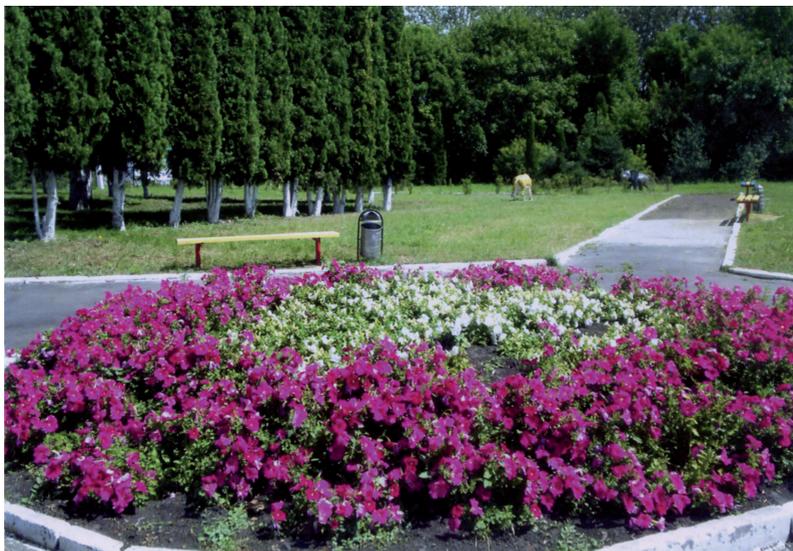

А это на пленэре юные живописцы из художественного отделения Детской школы искусств. Справа (за кадром) само здание, а в нем – классы, экспонаты местного учителя-скульптора Ивана Алексеевича Семеновского.

Цивилизация на улицах нашей «глубинки»: дети на роликах, на роликовых коньках. Ребята, берегитесь автомобиля!

То дети – «цветы жизни», а то просто цветы. Везде, по всему городу. Это в Парке героев.

А это, на улице выше, еще один Романчиков – двоюродный брат Виталия Кузьмича. У своей только что распустившейся груши. Был кузнецом, видел его, помню, у раскаленного горна с молотом и наковальней. А ранее он был корабелом в Питере. В местном ПТУ готовил кадры: механизаторов – для полей, шоферов – для дорог, токарей – для завода. Приду за грушами, угощай !

На другом конце города, по дороге к школе- гимназии этот дом в коттеджном поселке, перед ним – персидская сирень. В начале цветения.

Под молодым каштаном. Коля Цунин уже взялся за косу. А перед ним – «бетонка». Идут и идут мимо него в Орел КАМАЗы с девонской глиной.

У «бетонки». Розы за забором. Алые.

Белые цветы. Жасмин при дороге.

А это бело-розовое у нас на усадьбе.

*На Октябрьском переулке.
Дуб – красавец какой! Так
и стоит в одиночестве.*

*И вот рябина к дубу все-таки перебралась. Чудо природы.
Первая Подгородняя, у магазина.*

Какая ценность – жизнь человеческая! Даже жизнь одного, в обычной хлеборобской семье. Родом Борзенков Анаолий Арсентьевич из Ивани. Отслужив свое в армии, переехал он сюда в Приволье. Через Мурашиху вот уже многие годы торит тропинку он в Елизаветино, где в братской могиле лежит его отец. Ходит сын туда, носит цветы.

Поблизости тут, у Приволья, эта плакучая ива.

А это по другую сторону Малого города – поселок Прогресс. Умелец! Собственными руками сотворил эту красоту прораб Петрушин Михаил Федотович – мой гениальный читатель. Когда-то задумал он, а уже в преклонном возрасте осуществил свою сказку с деревянными кружевами. Он всегда жив для меня.

Зеленя. И след от пятака кабана. Предчувствую опасность: дикий вепрь!

Вот как почистил кабан ореховый куст в поселке Онегино.

А это ферма. Свиноматка со своими веселыми ребятами от разных отцов.

А это Андрей Ретюнин на коне. Зорко следит Андрей за отарой.

И в жару и в дождь – всё в плаще, поводья в руке.

В Гнилой Плоте. Лошадка с жеребенком что надо.

А это приехал в город крестьянин. На дедовской телеге. Однако на мягком, резиновом ходу.

Каков, а? Рыжий петух.

Ходят слухи о собачьей своре в Ивани. Это Паиков Александр Николаевич – председатель. А это с ним его русские борзые: лису, зайца любого мигом догонят и за уши к нему приволокут. Таких собак дарили цари европейским монархам.

Молодежь в Медведево, что за Старым Луковцем. Вверх по дороге к колодцу Девятая пятница. Тут я когда-то работал учителем. В одной семье, помню, было два сына, учились в одном классе. Оба Медведевы, оба Николаи – Николай I и Николай II.

Широка степь. По ней зеленой лентой течет Тихая Сосна; за Колвной, Ливнами, Ельцом она впадает в Тихий Дон. И вот тут, напротив колодца Девятая пятница, в Тихую Сосну вливает глоток свой малая речка Дайменка. Древнее городище, которому более двух тысяч лет. По хлебным делам мог приезжать сюда царь Итаки Одиссей.

Сюда же, в эти места, еще учеником ходил когда-то с экскурсиями нынешний глава района Юрий Алексеевич Маслов, учился он тут в Луковской средней школе. Справа от зеленых кустов на гребне степи было Маслово, где жили Масловы да Дубровские.

Юрий Алексеевич Маслов

Как спускаться к Старому Луковцу, сразу за Медведево, эти курганы.

Красота! Родина могучая моя.

У святого колодца Девятая пятница. Тоже чудо природы. Высота-то какая, а ключ бьет, и откуда он взялся? Далеко-далеко виляет Сосна-река туда за горизонт, – до Дона Иваныча, Азовского, Черного морей.

Писатели – орловцы. Приехали сюда со мной за святой водицей.

А этот ключ под Мурашихой. Был сруб деревянный, кольцо бетонное, теперь, видите, льется вода из трубочки. По-прежнему ледяная, летом аж зубы ломит.

Малоархангельск. И
опять вода «из-под
трубочки». Первая
трубочка тут, еще с
военных времен. Отец
Василий крестил в купели
детей, теперь провожает
юношей в армию.

А это другой святой колодец – Андреевский. Тоже воспет
мною в песнях.

Эта самая церковь в Упалом. Сюда за снимком протопал я пол суток, прошел более семидесяти километров. Дотащился домой уже глубокой ночью, заблудившись в соседнем Поньровском районе Курской области.

Церковь Пресвятой Богородицы в Архарово. Только в ней одной и проводились службы. Шли и ехали сюда люди со всех сторон. Крестили детей, чтобы вера наша нами не кончилась.

Страницы нашей истории. Костюрино, засека. В каких-нибудь двух километрах от города – за Бельным. Бывшая усадьба фон Рутцена – прототипа Рудина, героя одного из тургеневских романов.

Мишиково. По дороге на Архарово, за Дубовиком. И это тургеневское место. С края – поселок Тургеневский. Тут живет Василий Васильевич Комаров. Приник к детским качелям, которые слал к этой субботе. Ждет внучку из города, все глаза проглядел.

За поселком Тургеневский – пруд, луга, медоносные травы. Среди них была когда-то помещичья усадьба. До сих пор тут витает дух тургеневской героини Юлии Вревской.

А это уже в Свердловском районе – деревня Старое Горохово, родина писателя Николая Семеновича Лескова. Тоже пришлось отмотать сюда километров восемнадцать по насыпной дороге. Дом в недавнем прошлом был с мемориальной доской.

Теперь в этих местах живет бабушка Оля Митина, она на пороге своего дома. Охранительница литературного места, к которому тянутся люди, особенно летом, в отпускное время. Все же тут на усадьбе родился великий русский писатель.

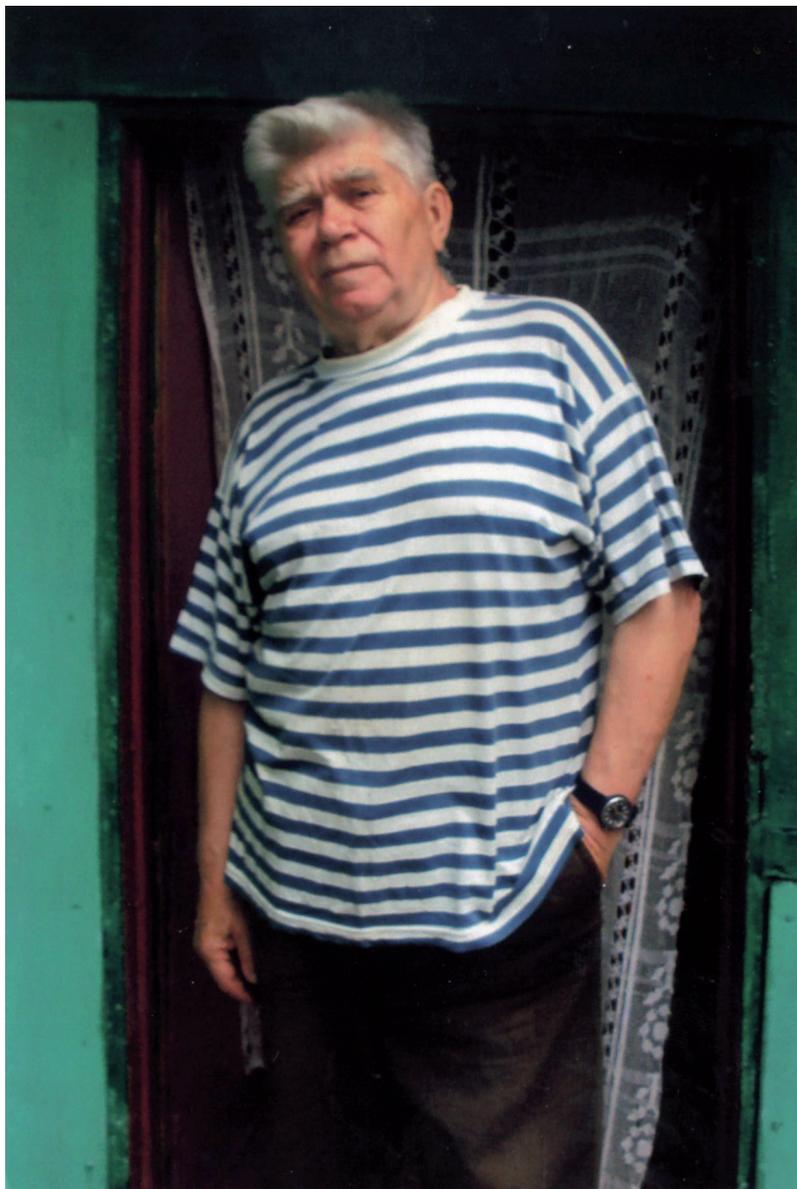
Вернулся я домой, в Малый город. Отдыхаю. А тут Виктор Садовский заявился ко мне с баяном. Горлинка села на березу над моим окном. Подала голос, перелетела на яблоню. Тут я ее и щелкнул на дереве. Горлинку-то видать, а друг ее замаскировался. И где же он? Горлинка – витютень – дикий голубь, где ты?

Тут же вылетели из меня слова про горлинку, сами легли на музыку. Спел я свою песню, записал на магнитофончик «япошу», а Виктор Федорович положил мойopus на ноты. И вот мы с Садовским поем песню мою про горлинку под баян. Так вот тут и живу, воспеваю свой Малый город, родимый край, Русское поле – глубинку русскую мою.

Это вот мы с детьми пришли к Пушкину 6 июня 2012 года – в День рождения поэта, в День Русского языка.

А это вот я стою на пороге нашего дома – морская душа.

Степная песня

(гимн Малоархангельска)

В когорте малых городов,
Возможно, и не самый малый, -
Он весь из парков и садов,
На стелах павшим звезды алы.

Мы тут живем, на видном месте,
Как раз меж Курском и Орлом.
Где ключ Оки, родные песни
И синий-синий окоем.

ПРИПЕВ

А степь - а степь, а степь - а степь,
А степь широкая.
А по степи кресты да колея.
А ключ - Ока, а небо синеокое,
Глубинка русская моя.

Мое высокое раздолье.
Плесни из кружки, и течет
Одна река - на Черноморье,
Другая - до каспийских вод.

Как назвала Екатерина,
Так и стоим мы на своем.
Малоархангельск - слово длинно,
Но кратко - на сердце моем.

ПРИПЕВ

А степь - а степь, а степь - а степь,
А степь широкая.
А по степи кресты да колея.
А ключ - Ока, а небо синеекое,
Глубинка русская моя.
Судьба моя, душа моя глубокая,
Россия - родина моя.

Он крепко сшит и ладно скроен,
Георгиевский кавалер.
Как у Москвы, святой Егорий
Венчает наш духовный герб.

Мы у архангелов в чести.
Как Феникс, встаем из пепла...
Любимый город мой, расти!
Да будет нам с тобою светло!

ПРИПЕВ

А степь - а степь, а степь - а степь,

А степь широкая.

А по степи кресты да колея.

А ключ - Ока, а небо синеокое,

Глубинка русская моя.

Судьба моя, душа моя глубокая,

Россия - родина моя.

Судьба моя, душа моя глубокая,

Святая родина моя.

Родная улица

Золотая улица в мае звонче втрое,

Шумы тополиные входят в каждый дом.

Зацветает улица в утро голубое,

Осыпает голову пуховым дождем.

На деревьях - зелено, под ногами - зелено.

Ходишь, улыбаешься каждому порой.

Почему бы улицу за красу весеннюю

Не назвать Зеленою вместо Золотой?

Разгоняет солнышко утреннюю просинь,

И душе просторнее в городе своем.

Потому что улица в ласковую осень
Осыпает голову лиственным дождем.
На деревьях - золото, под ногами - золото.
Ходишь, удивляешься щедрости такой.
Не за это ль улицу, за красу осеннюю,
И назвали ласково люди Золотой?

Сыплет снег за окнами, вечер бело-синий.
Та же ль эта улица, тот же ль этот дом?
Только двинешь веточкой, как мохнатый иней
Осыпает голову снеговым дождем.
На деревьях - серебро, под ногами - серебро.
Ходишь, согреваешься думою одной:
Почему бы улицу за красу за зимнюю
Не назвать Серебряною вместо Золотой?

Ключ - колодец

(песня)

В тихом городке Малоархангельске
Я иду, а под ногой журчит.
Под моими окнами, как праздники,
Голоса, как в серебрах ключи.

Кто их, родниковые, повесил, -
Знак скрипучий, мерный звон цепей?
Кто колодец тут накуролесил
Посредине улицы моей?

Это водосвятие к народу
Вынесено с нашего двора
В знак того, что пали за свободу
На войне три дедовых орла.

Бьет вода живая - льет, не уставая,
Значит, живы! Господи, живем!
Дедово наследство - это помню с детства,
Дедушкино, родовое пьем.

А копал ту жилу дед с Ивани,
Доставал до чрева самого.
Про подлюдку услышал нарани,
Задохнулся - это ж про него!

Это ж он, засыпанный в колодце,
Из Ивани голос подает!
После дед мой только и берется
Скалывать на сруб намерзший лед.

Вот водопровод в Малоархангельске,
Но с утра все светится, журчит.
И на нашей улице, как праздники,
Серебрами звякают ключи.

Бьет вода живая,
Льет, не уставая.
Значит, живы! Господи, живем!
Доброе наследство - это помню с детства,
Нашенское, родовое пьем.
Доброе наследство - это помню с детства,
Дедушкино, родовое пьем.

Горлинка

(песня)

Как приеду в городок свой маленький,
В Малый Архангельск на святой Руси,
Расцветет в душе цветочек аленький,
Бога о чем-нибудь попроси.
Горлинка, горлинка - птица неудалая,
На березу сядет над моим окном.
Запоеет, заухает песня запоздалая,
В горле остановится, на сердце моем.

Как взгляну на местность небогатую -
Песня жутковата, улица пуста.
Горлинку сизую, птицу диковатую
Приютили милые места.
Горлинка, горлинка - птица неудалая,
На березе ухнет, как из-под земли.
Русь моя великая, сторона бывалая -
Ну кого еще сегодня отнесли?

Как приеду в городок свой стольненький,
В Малый Архангельск на святой Руси,
 Попрошу я боженьку, попрошу я горлинку,
Отдохни маленько, пой - не голоси.
Горлинка, горлинка - птица судьбоватая,
Не вещуй нам, мимо пролети.
По-за каждым окнушком, над любою хатою,
Мой цветочек аленький, свети.

Яблочный Спас

(песня)

Тук-тук, тук-тук,
Тук-тук, тук-тук...
Яблоки падают, падают сами.
Где-то поблизости дятел стучит.
Малоархангельск живет голосами,
Материн сад в моем сердце звучит,
Звуки немерены. Звезды бездонны, -
Преображаются в Яблочный Спас.
Где-то в Осетии падают бомбы.
Что же ты, Спас, тишину там не спас?
Ежик по яблоку носит, по ноте
В песню про август, про Яблочный Спас.
Век двадцать первый. Весь мир мироточит,
Преображенными делает нас.
Яблоки, яблоки падают в осень.
Трель мимолетную дятел строчит.
В Малоархангельске с облака впросинь
Песня дождя все смелее звучит.
Тук-тук, тук-тук,
Тук-тук, тук-тук...

Тонкая яблоня

(песня)

Посадил я яблоню прямо под окном,

Поливал водою ключевой.

Выросла, выросла, затенила дом,

Запленила радостью живой.

Катится, катится яблочко мое

По дорожке торной, луговой.

Солнышко, солнышко - красное шитье,

Закатилось яблочко в него.

Пролился над яблоней нехороший дождь,

Прогремела черная гроза.

Дождик-то, дождик-то - чем он не хорош?

Чем горька слезинушка-слеза?

Облетела яблонька под моим окном,

Не дождалась часу своего.

Горестно душеньке, опечален дом

От дождя плохого одного.

Тоненькая-тонкая, вся перед тобой,

Негасима радостью живой.

Яблоньку милую заслоню собой,

Отолью водою ключевой.

Земляки

Новый год. Голубая картина.
Все бы Родина в голове.
Позвонила вдруг Родина Нина:
«Мы теперь с Алексеем в Москве.

Вот где ныне и пашем, и сеем -
Посредине метро и зимы.
Любим Люберцы мы с Алексеем.
Где и дочь, люберецкие мы».

Тут остались и дом, и деревья.
Русь хазарская, степь без границ.
Там Москва, как большая деревня,
Земляки с хуторов и станиц.

Тут все Родина милая, жневья,
По погостам сияние лиц.
Там Москва, как большая деревня,
Притяжение русских столиц.

Кленки на берегу

(песня)

Кленки на берегу всем сердцем берегу.

Все жду тебя у клена я.

Высокая трава, любимые слова,

Твои глаза зеленые.

Хожу сюда под тень всю осень каждый день.

Все жду тебя у клена я.

На золоте стою, про золото пою

В твои глаза зеленые.

Кленки на берегу всем сердцем берегу.

Все жду тебя у клена я.

Так дай же мне ответ, ты любишь или нет

Мои глаза зеленые.

Ракитушка

(песня)

Край ты мой ракитный, лунь зеленоглазый!

В серебре макушка, хлопоты в гнезде.

Не о том мечталось, что случилось сразу.

Не того хотелось, что теперь везде.

Выше сеновала сук облюбовала
Вещая кукушка - эхо по реке.
Тысячу просил я - сто накуковала,
Ну а та упала на седьмом витке.

Бурею ракиту с берега свалило.
Вот стою - горюю: «Берег-то крутой».
Как ее любил я, как она любила!
Замирает в сердце голос золотой.

Недошелестели все мои метели.
Ненацеловался, а уже седой.
Гляну с сеновала - нет ее, не стало!
Уж другие птицы вьются над водой.

Край ты мой расейский, лунь зеленоглазый!
Берегом иду я в рыжем кожане.
Что запало в душу, не уходит сразу.
Ветлы да ракиты клонятся ко мне.

Белой акации гроздь душистые

слова М. Матусовского,

музыка В. Баснера

«Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал и молчали дома.

Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода.
Боже! Какими мы были наивными!
Как же мы молоды были тогда!
Боже! Какими мы были наивными!
Как же мы молоды были тогда!

Годы промчались, седыми нас делая.
Где чистота этих веток живых?
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них.
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них.

В час, когда ветер бушует неистово,
С новою силою чувствую я,
Белой акации гроздь душистые
Невозвратимы, как юность моя.
Белой акации гроздь душистые
Неповторимы, как юность моя.»

Леонард Золотарев

КНИГА ВТОРАЯ

**РУССКОЕ ПОЛЕ,
СЕДЫЕ ХЛЕБА**

Поймаю я ветер – следы на кургане

Спасают Россию, спасут и меня.

А поле, а поле, о Русское поле!

Степь золотая , седые хлеба.

Коврижка. Милости просим: «Хлеб – соль».

Станция Малоархангельск. Там, где зерно принимают. В самом деле, хлеб – всему голова.

Жатва 2009. Вот-вот она начнется. Командиры сельхозпроизводства в поле.

Дорога на Дубовик.

Опытное поле. Под Дубовиком.

Пшеница золотая.

По колоску определяется урожайность, по зернинке – центнеры на гектаре.

Ученые – селекционеры. Любят поговорить! Тут же в поле, чтобы слушали их сами хлеба.

Жатва 2009. Представители от орловских департаментов. Прибыли на научно-практическую конференцию по возделыванию хлеба.

Малоархангельск. Здание Администрации района накануне 230-летия города.

А это митинг у здания Администрации в День города 5 сентября 2008 года.

День города 5 сентября 2012 года. Центральная площадь. Руководители района и города, общественность. Слева направо: глава района Ю.А. Маслов, благочинный отец Василий Попадинец, зам. главы района В.М. Васютин, глава города А.С. Трунов, академик Российской академии сельскохозяйственных наук Б.И. Сандухадзе, директор школы-лицея И.И. Горохов, В.А. Буравцов, первый зам. главы района Ю.Д. Филимонов, автор этой книги Л.М. Золотарев.

Б. И. Сандухадзе

*доктор сельскохозяйственных наук, профессор,
академик РАСХН, Заслуженный деятель науки РФ*

На концерте. Как у Дега, голубые танцовщицы.

Русское поле. Это за городом. Рано утром пошел первый КАМАЗ. Вскоре потоком хлынут за глиной на карьер велоровские большегрузы.

А это «бетонка». Магистраль. Дорога по городу в Русское поле, на велоровский карьер, за белой девонской глиной.

И я иду туда. Поля, зелены, птицы поют. Любо!

*И вдруг небо почернело, сверкнула молния. Промок я до нитки.
Грозу послала небесная концелярия.*

*И тут же радуга.
«Ветер утихает, тучки уплывают,
И опять синеют небеса».*

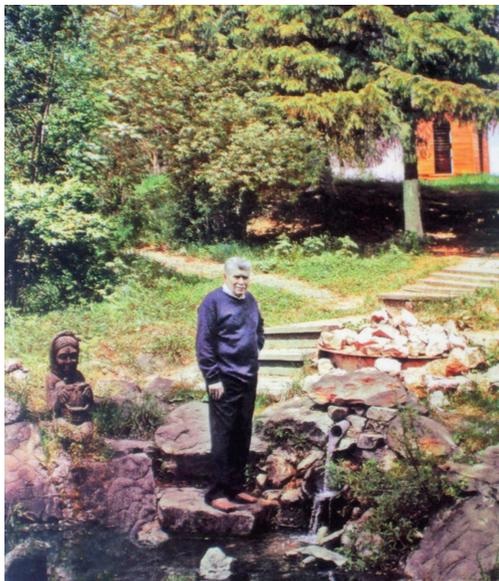

А вот и карьер Белой Глины. Речка Сучья. Синее от опрокинутого неба, зеленое с желтоватинкой.

Березка в поле. Между Костинской школой и лесом. В День Русской Березы – 24 июня, в самый большой день в году.

Когда КАМАЗы пойдут обратно в Орел, на Велор, с малоархангельским добром под брезентом, как загудят они на подъеме! Слышно, наверное, аж на станции Малоархангельск. И даже, может быть, дальше – у этого родника, что дает начало Оке тут у нас, за Малоархангельской станцией.

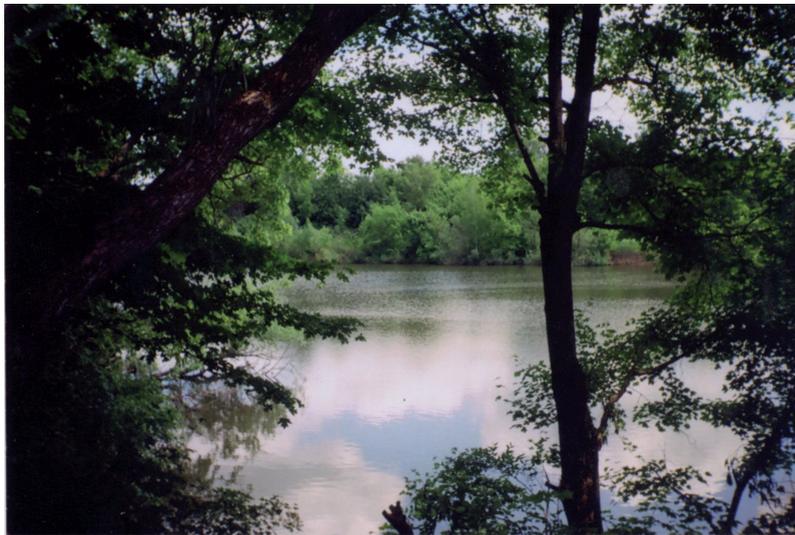
Городской пруд. Перепружен ручей Куликоржавец. По ручью, бывало, я катался на «снегурках». На пруду мы когда-то зимой играли в хоккей.

Видите? Рыбка плавает по дну, тут поймали не одну. На рыбалку сюда, на малоархангельские пруды, наезжают рыбаки отовсюду, в том числе и из Орла.

Тут теперь городской пляж – на Втором Беленьком. В каскаде прудов вокруг города – этот самый крупный пруд, однако поменьше прогрессовского по другую сторону города. А тут, видите? За прудом – зеленая щетка деревьев, это на взгорке Костюрино.

А это в Костюрино свой пруд. Старинный, еще помещичий. Навевает думы, эгегическое настроение о тургеневском месте, тургеневском Рудине.

Первое Беленькое. Верхний пруд, слева – от Приволья. Вдоль берега – ледяные ключи. Глубоко, торфяные выройки, ямы в воде. Опасно купаться.

Пруд в Упалом. Берендеево царство.

*Луковец. Под горой, у излу-
ки. Гремяк, живые ключи.
Так, бывало, гремел, что
слышно было у школы, где
я тогда работал учите-
лем. Отгремело. Однако
по-прежнему добавляет
Гремяк и свой звук, свой
глоток воды в Сосну, а
значит, и в шолоховский
Тихий Дон.*

Брод на Сосне, по дороге к новому Луковцу.

Сосна, Тихая Сосна. Течет к Тихому Дону. Видать далеко, до самого Губкино! Концерты бы тут давать, оперы ставить, как «Аиду» под египетскими пирамидами. Высокие берега, красивая, вдохновенная Русь!

А это цветет картошка у нас на огороде, за садом. С французского – это «яблоко земли».

*А царицей всему куртагу моему –
Дорогая, родная картошка.
Без нее, я к тому, нет улыбки в дому,
Сирота на столешнице ложка.*

*Вот он, стол в нашем саду. Под бабушкиной яблоней.
Всегда ждет гостей.*

Вот на другом столе – элитные сорта пшеницы. Там же, на всероссийском Совещании хлеборобов страны.

И поле, поле, где хлеб – всему голова.

Русское поле.

Русское поле

слова И. Гофф,

музыка Я. Френкеля

«Поле, Русское поле...
Светит луна или падает снег.
Счастьем и болью связан с тобою,
Нет, не забыть тебя сердцу вовек!
Русское поле, Русское поле...
Сколько дорог прошагать мне пришлось!
Ты моя юность, ты моя воля,
То, что сбылось, то, что в жизни сбылось.

ПРИПЕВ

Не сравнятся с тобой ни леса, ни моря,
Ты со мной, мое поле, студит ветер висок.
Здесь Отчизна моя, и скажу, не тая:
«Здравствуй, Русское поле,
Я твой тонкий колосок!»

Поле, Русское поле...

Пусть я давно человек городской,
Запах полыни, вешние ливни
Вдруг обожгут меня прежней тоской.
Русское поле, Русское поле!
Я, как и ты, ожиданьем живу.
Верю молчанью, как обещанью,
Пасмурным днем вижу я синеву.

ПРИПЕВ

Не сравнятся с тобой ни леса, ни моря,
Ты со мной, мое поле, студит ветер висок.
Здесь Отчизна моя, и скажу, не тая:
«Здравствуй, Русское поле,
Я твой тонкий колосок!»
Поле, Русское поле.»

Пшеница золотая

слова М. Исаковского,

музыка М. Блантера

«Мне хорошо колосья раздвигая.
Ходить сюда вечернею порой.
Стеной стоит пшеница золотая
По сторонам дорожки полевой.

Всю ночь поют в пшенице перепелки
О том, что будет урожайный год.
О том, что где-то за рекой в поселке
Моя любовь, моя судьба живет.

И в час, когда над нашей стороною
Вдали заря вечерняя стоит,
Родное поле говорит со мною
О самом лучшем в жизни говорит.

И хорошо мне здесь остановиться,
И, глядя вдаль, подумать, помолчать.
Стеной стоит высокая пшеница,
И ей конца и края не видать».

* * *

Жатва грянула на Казанской.
Среди летнего жаркого дня
На комбайне - «летучем голландце» -
Прокатил губернатор меня.

Сел в кабину я с прессою следом.
Хлеб пошел! Полетел, поднажал!
По стерне, по селекциям, кредам
Я, как лось, с километр пробежал.
На подножку вскочил.
Дай он выйдет - щелкну!
Будет вам фотошедевр!..
Ливнем вдруг окатило.
Как видим, кто-то что-то там проглядел...

Вот и чудится все это, братцы.
Как тогда, при стеченьи людском,
На комбайне - «летучем голландце»
Прокатили меня с ветерком.
С того дня по Руси с синим небом,
К Рокоссовскому полю спеша,
Благодатного, житного хлеба,
Ярких праздников жаждет душа.

21 июля 2009 г.,

г. Малоархангельск.

Поймаю я ветер

(песня)

Мой край, мои люди, родная сторонка!

Одна ты, одна у меня, у меня!

Иду я на песню, на трель жаворонка.

Шагаю по травке в сияние дня.

ПРИПЕВ

А поле, а поле! О Русское поле!

Степи до моря, седые хлеба!

Ты моя нежность, ты моя доля,

Путь и дорога, жизнь и судьба.

Как мало нас тут под грозой, в урагане.

Свой ход, свою поступь сменю на коня.

Поймаю я ветер: следы на кургане

Спасают Россию, спасут и меня.

ПРИПЕВ

О боги мои, о великое Солнце!

Хватаюсь за гриву, коня в шенкеля!

Под молнией в тучах пью волю до донца.

Возьми меня, поле, ржаная земля!

И снова иду я, шагаю на Солнце.
Широкий окрест огляжу, постою.
Как перевернуто небо в оконце,
За ливнем упало в мою колею.

ПРИПЕВ

А поле, а поле! О Русское поле!
Степи до моря, седые хлеба!
Ты моя нежность, ты моя доля,
Путь и дорога, жизнь и судьба.

30.11. 2009 г.,

г. Малоархангельск.

Моя деревенька

(песня)

Шагну за дверь
И упаду в траву.
Автобус тихо скрипнул и ушел.
А я лежу, а мне тут хорошо.
Зову, зову -ау, ау, ау!

За рощей и родная деревенька.
Дворы мои, затерянная Русь.

Дай постою, передохну маленько,
А там уж как-нибудь и доберусь.

Рюкзак дай сброшу, дух переведу.
«Прешпекты» гладки - жизнь на них крутая.
Иду, иду - «раи» в душе летают,
Концы с концами в мыслях не сведу.

И гром по мне, и пробегают блики.
И пятки в кровь, татарник подо мной.
А предо мной все пращурь, все лики,
Все сотни лет на ниточке одной.

Встречай меня, затерянная Русь!
В окошко стукну: «Как оно живется?»
И каждый раз, как только доберусь,
Боюсь, вдруг радость эта оборвется.

Забытые хутора

(песня)

Жили-были мы, люди,
В православной России
Да и думали, будем
Крест нести, как всегда.

Но с Чернобылем солнце
Вдруг испили до конца,
С полынами в оконце
К нам упала звезда.

Мы на гнездах сидели,
Мы взлететь не успели,
Как грачи, почернели
Тут в шафрановой мгле.
Мы чего ожидаем?
Уж на юг не летаем,
Все гробы забиваем
На родимой земле.

Еще свадьбы играют,
Еще церкви сияют,
Купола обжигают
Дух святой в небеси,
А уж тут вымирают,
Нами рай заселяют,
Пустырями зияют
Хутора по Руси.

Мимо нас караваны
Пролетают, гортанны,
И зовут за туманы -
На красивую жизнь.
Мы еще напоемся,
Новых песен дождемся!
Навсегда остаемся
Там, где мы родились.

Доживем еще, люди,
И воспрянет Россия!
Воскресятся из буден
Села и города.
Верю - вижу ночами,
И над нами - грачами -
Вознесется лучами
Золотая звезда.

...Мы на гнездах сидели,
Мы взлететь не успели,
Как грачи, почернели
Тут в шафрановой мгле.
Мы с Чернобылем квиты,
Спим, травой перевиты,
Мы давно уж забыты
На родимой земле.

Зеленя

(песня)

«Зеленя» - слово, введенное
в оборот речи Тургеневым.

Снеговье обоймет, и с зеленых полей
Понесет меня к Солнцу в заветные дали.
Я иду, я иду - ветер злее и злей,
Мы горластей еще не видали!

Норовит под кожанку, в теплушку залезть —
Застудить, опрокинуть, закинуть в курганы.
Обопруся о дуб, - уж такие мы есть.
Переждем, перебесятся старые раны.

Те поля уж не пашут, а те зеленя
Уж, наверно, последние, - экое дело!
Бурьяны, бурьяны ободрали меня,
Когда шел, где, бывалыча, греча кипела.

Привезут из-за моря, и горюшко с плеч.
Перемелют - и крышка, без всякой мороки.
Променяют на хлеб нашу русскую речь
Да еще и чужие подсунут пороки.

Ветер рвет кожанок со плеча моего.
Посижу у костра, пошаманю на тризне.
Натерпелись за жизнь, навидались всего
Зеленя, зеленя, зеленя по Отчизне!

Дерсу Узала

(огородные стихи)

Я в деревне живу,
Я - Дерсу Узала,
Для меня все растения - люди.
У меня этих подданных
Куча мала.
Все живут, все растут, что-то будет.

Я пою их водой,
Тороплюсь напоить.
Знаю, ждет с нетерпением каждый.
У меня их права,
Не могу ущемить,
Если кто-нибудь что-нибудь жаждет.

Поднимаюсь чуть свет
И бегу к ним туда:

Может, надо чего - не обижу.
Как живут, как растут,
Кого тянет куда -
В день по тысяче раз это вижу.

-Ты, приятель, взошел?
Ишь, какой молодец!
Я взрыхлю тебе почву в округе.
Лишь усы протяни -
Станешь ты, огурец,
По росе красоваться подруге.

-Вы редиска, мадам?
Как бордов ваш бочок!
Влагу пьете, наверно, без меры?
А вот ты, мой любимец,
Мой славный лучок!
Повышаю тебя в кавалеры.

А капуста - она
Фаворитка жены,
Выводитель пятна, радиаций.
Что ж, побольше полью,
Ты важна для страны.
Йод нам твой, как Шекспиру Гораций.

А царицей всему
Куртагу моему -
Дорогая, родная картошка.
Без нее, я к тому,
Нет улыбки в дому,
Сирота на столешнице ложка...

И хохочет сорока,
Глядит свысока,
Где я тут, с кем дружу, кто мне важен?
Мол, не то, что летать,
Но и с места слегка
Не умеют, мол, сдвинуться даже.

И кукует кукушка,
Поет соловей.
Счастье, годы, столетья пророчат.
Я - Дерсу Узала,
Среди гномов и фей
Провожу все свои дни и ночи.

Не язычник, но тоже
Пляшу у костра,
Если вечер, комарик летает.

Как Шекспиру - Гораций,
Рубахе - дыра,
Просто здесь мне
Людей не хватает.

Кто-то тихо окликнет
С ракиты меня,
Кто-то ночью сегодня приснится.
Вся моя от земли
Городская родня,
Деревенские милые лица.

На Руси я живу,
Как какой президент.
Плети длинные тянутся в душу.
Им по плечи трава,
У меня их права,
Ни за что никогда не нарушу!

Зеленые глаза

(песня)

Своими я зелеными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.

Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?
Стареем мы, сполна дается сдача.
Виски белеют, как примета лет.
Не покидай меня, моя удача.
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.
Себе погоду делаем мы сами,
И что с того - она не человек.
Стареем мы, сполна дается сдача.
Сказал словечко молодой поэт:
-Не покидай меня, моя удача!
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Мы все уйдем, уходим понемногу.
Да не спешите ж нас толкать туда!
Проходит день за днем - и слава богу.
Приходит ночь - и это не беда.
Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней!

Столица Белой Глины (Малоархангельск)

Нечаянно открыл: живу в столице!
Даже не хлеба русского, а глины.
В столице Белой Глины Русь коренится,
Наш городок старинный.

Адам - из «глины человек»,
Так в переводе,
А Ева - из ребра его.
Все человечество навроде
В девонских глинах от него.

Я с детства чувствовал, тут в недрах
Таится что-то от Творца.
Дает луне, погоде ведра,
Болезни гонит, хмарь с лица.

Стоит за Правду, за Свободу!
Как мы, как будто человек.
Победу тут дала народу,
Перемогла двадцатый век.

Но, как бывало, в сорок третьем
И кровь впитав, не стала рыжей,
А самой белой на свете
Так и осталась, к тайнам ближе.

Когда везут в Велор отсюда
И украшают ею всех,
Я знаю, что такое чудо!
Оно от нас, из недр, откуда
И самый первый человек.

Влетит в Москву такая птица,
Крылом трепещет, в окна бьет.
- И мы, - скажу, - живем в столице,
Где человечество живет!

Ой, ты рожь...

слова А. Пришельца,
музыка А. Долуханяна

«В поле за околицей,
Там, где ты идешь,
И шумит, и клонится
У дороги рожь.

Черны очи, видели:
Через речку вброд,
Там навстречу, издали
Паренек идет.

ПРИПЕВ

Ой ты, рожь,
Хорошо поешь!
Ты о чем поешь,
Золотая рожь?
Счастье повстречается,
Мимо не пройдешь,
Ой ты, рожь!»

Мы идем с конем по полю вдвоем

слова А. Шаганова,
музыка И. Матвиенко

Выйду ночью в поле с конем,
Ночкой темной тихо пойдем.
Мы пойдем с конем по полю вдвоем,
Мы пойдем с конем по полю вдвоем.

Ночью в поле звезд благодать,
В поле никого не видать,
Только мы с конем по полю идем,
Только мы с конем по полю идем.

Сяду я верхом на коня,
Ты неси по полю меня!
По бескрайнему полю моему,
По бескрайнему полю моему

Дай-ка я разок посмотрю,
Где рождает поле зарю.
Ай, брусничный цвет, алый да рассвет -
Али есть то место, али его нет?

Полюшко мое, родники,
Дальних деревень огоньки.
Золотая рожь да кудрявый лен,
Я влюблен в тебя, Россия, влюблен.

Будет добрым год, - хлебород.
Было всяко, всяко пройдет.
Пой, золотая рожь, пой, кудрявый лен,
Пой о том, как я в Россию влюблен.
Пой, золотая рожь, пой, кудрявый лен.
Мы идем с конем по полю вдвоем.

Поймаю я ветер – следы на кургане
Спасают Россию, спасут и меня.
А поле, а поле, о Русское поле!
Степь золотая , седые хлеба.

Леонард Золотарев

КНИГА ТРЕТЬЯ

КРЫЛАТЫЙ СОЛДАТ

Гимнастерка солдата со звездой Героя.

Константин Константинович Рокоссовский в 13-й армии Пухова, в боях под Малоархангельском.

Всего три здания в городе, какие уцелели от битвы на Огненной дуге. Помню, одни кирпичи, руины остались от города. Это старая школа, где потом я учился. Летом 43-го во дворе школы я видел самого Рокоссовского с генералами. Теперь тут Дом детского творчества.

Здание больницы, которое тоже осталось живо. Была уездная, теперь ЦРБ – центральная районная больница.

Почта. В центре города.

Вход в Парк героев.

У Вечного огня. 9 мая 2009 года. Ветеран войны Ештокин возлагает венок своим боевым товарищам. Как в почетном карауле, рядом с ним застыли тогдашний мэр города Надежда Васильевна Коклевская, райвоенком полковник Макаров, жители города.

*Музей Боевой славы.
Тоже на нашей улице.*

*В Парке героев. Плиты с именами, над которыми в 43-м прогре-
мел самый Первый Салют.*

Сын Игорь перед плитой.

Майор Лисунов А.Е. – друг нашей семьи. Погиб под станцией Малоархангельск.

На добрую и долгую
Память Марусе
От
Лисунова А.Е.
Малоархангельск 12 мая 1943.

На обороте фотокарточки, подаренной им моей матери накануне сражения, это было написано карандашом. Помню, устно он добавил: «Маруся, город мы не сдадим». Наша семейная реликвия.

На плите третье снизу выделим: «Евдокимов П.П.». Друг майора Лисунова. Был капитаном, совсем молодым. Погиб под Сабурово.

Станция Малоархангельск. На изрешеченном бетоне тут рядом значатся номера четырех дивизий. Написано: «Никто не забыт. Ничто не забыто». При прорыве тут, на Малой дуге, погибали, говорили, по две дивизии в день. Говорили, в каждой дивизии сменялось по четыре состава. Значит, сколько всего тут легло?

Протасово. Схема сражения. Посмотрите, где Курск, а где Малоархангельск? Где и куда направлена стрела контрнаступления – на Глазуновку, а далее ?

Поле под Сабурово, Сабуровское поле. В шести километрах от Малоархангельска. Розовы ковылы.

Вслед за Куликовым, Бородино, Прохоровкой – это четвертое героическое поле России. В одной атаке тут на десяти гектарах легло сразу десять тысяч наших солдат. В основном местные, хлеборобы малоархангельские, колпнянские, долженские, ливенские – хозяева этих полей.

О, поле, Русское поле!

Малоархангельск. Дом бывшего директора местной школы-гимназии – Геннадия Ефремовича Ефремова – участника атаки под Сабурово.

В этой школе работал учителем и я с Иваном Алексеевичем Семеновским. У школы на пьедестале высится скульптура героя – летчика Федякова И.Л.

На этой же улице, в следующем квартале, и сейчас живет родная сестра героя – Лидия Лаврентьевна. Во время оккупации, по ее словам, она передавала протасовские сообщения в Приволье, леснику Тетереву. Сообщения шли за линию фронта. Наши летчицы на «кукурузниках» при бомбежке точно поражали цели противника.

У дома Ракитских стояла «Катюша», накрытая брезентом и охраняемая часовым. «Катюша» очень хорошо поработала и тут, под Панской, и позже. Кстати, в Малоархангельске, улице выше, живет Яковлев Павел Алексеевич, который прошел с «Катюшей» в составе Центрального – Первого Белорусского фронта отсюда и до Берлина.

Гаубица из музея Центрального фронта. Вот такая пушечка как ахнет, бывало, где-нибудь возле дома, так полкрыши нет, как ветром сдуло.

Дом Мазалова на Красноармейском переулке долго после войны стоял полузакрытым, под дождем и снегом. Как прохожу мимо, так и вспоминаю. Сколько пороху, бывало, тут хрустело под ногами – желтого и черного. Дополнительные заряды к снарядам от гаубицы.

Гаубица стреляла такими снарядами, аж на сорок километров. Доставала до Ольховатки, где враг готовил на Курск наступление в виде отвлекающего удара. Артиллерия из Резерва Главного Командования. А тут на снимке были такие бомбы-фугаски весом в тонну.

А этого дома тогда в 43-м не было. С немецкой «рамы» - двух-фюзеляжного самолета-разведчика – упала подобная бомба и попала прямо в маршевый батальон. Мы, пацаны, прибежали сюда вслед за медсестрами. Жуткая картина. Вот он – перекресток. На дороге к больнице.

В 43-м же, сразу после сражения, доставалось и нам, детям войны. Тут, на Косом переулке, таилась мина-«крылатка». Тут погибли тогда трое моих друзей.

Это на городском кладбище могила моего друга Гены Монастырева. Трое ребят возвращались из базовой школы домой: Толик Марков – сын первого секретаря, Толик Харский – сосед Ефремовых и Гена Монастырев – сын санврача. Базовую школу помогали восстанавливать, готовить к учебе, в руках у кого-то из них была лопата. Слава богу, я шел чуть позади... Взрыв, и все.

И падали на город постоянно фугаски. Упала такая – яму выбухала. А теперь тут танцплощадка.

Центр Малоархангельска. Парк героев. У пушки – сорокопятики, стрелявшей по танкам, Вечный Огонь. Восемь Героев Советского Союза, наши земляки, в том числе бывший мэр Михаил Андреевич Гринец, летчица Марина Павловна Чечнева, полководец – генерал армии Цветаев...

А это юнармейцы, те же мальчишки, просто сидят у пушки, просто играют, но не по-юнармейски, а просто так, по-детски.

Парк героев. Памятник разведчикам из Ельца, которых оккупанты вешали тут, на углу сквера, перед жителями, согнанными сюда автоматчиками. Я, шестилетний тогда, цепко держался за колени матери. Двое ребята полунесли разведчицу под руки. Шаталова Клава – это наша малоархангельская Зоя Космодемьянская. Вот тут они, елецкие комсомольцы: Клавдия Шаталова, Вилли Огнев, Семен Кондауров.

Так и идут памятники – бронзовые герои – по главной улице Малоархангельска, туда – к Репьевке.

Это Сонин И.Е.

Погиб в боях под городом по направлению к Поньярям.

В самом конце главной улицы,
перед Репьевкой, эта памятная
доска у русской березы.

«Подполковник Бурка
Григорий Андреевич»

Тут же памятник «Войнам
148-й Черниговской стрелко-
вой дивизии, павшим в боях
за освобождение г. Малоархан-
гельска и Малоархангельского
района. 23 февраля 1943 года».
Бесконечна печаль наша,
скорбь нашей земли!

*И вот памятный знак уже на территории Поньоровского района Курской области, по дороге на Ольховатку.
«Фронтовому корреспонденту К.Симонову»*

И тут же поблизости еще один – такой символический знак, поставленный позже. «1945-1975». Как искривлено дуло пушки у танка. От непрерывных выстрелов в танковой дуэли с врагом. А какого тогда было человеку?

А человек лежит в Ольховатке тут, под этим плитами. Списки павших при краснозвездной стеле, устремленной к небу, к макушкам берез. Тут, в братской могиле, покоятся сразу девять Героев Советского Союза.

По ступенькам ввысь, в курских Поньрях, на окраине райцентра, памятник воинам – связистам. По направлению к Малоархангельску прорвалась вражеская армада в 300 танков. Саперы встали на пути. Все погибли, но к городу врага не пропустили.

Туда к героям, на небо, летели слова: «Когда жизнь связиста в бою обрывалась, Связь никогда не рвалась».

И я написал недавно «Марш военных связистов», посвятив его Орловской академии связи.

И далее по Малой дуге идет мартиролог, цепь из бронзовых фигур.

На станции Малоархангельск – памятник Герою Советского Союза Н.М. Карабулину – пулеметчику и его боевым товарищам.

Протасово. Памятник по дороге на Малоархангельскую станцию, схема сражения вокруг Малоархангельска. Солдат заслоняет собой фронтovou городок.

Под Сабурово. Памятник на Сабуровском – четвертом героическом поле России. Паренек преклонил колено перед павшими. Это Саша Журавлев. Паренек до слез благодарен моим «лейке и блокноту», говорит мне от имени родного его Сабурово.

Глазуновка – соседний райцентр. Памятник Освобождению. Кстати, если Малоархангельск был освобожден 23 февраля 1943 года, то Глазуновку освободили 28 июля. Почти семь месяцев держался Малый город. Как Одесса и Сталинград.

На глазуновском памятнике – воин с лицом командира Литовской стрелковой дивизии, почти полностью погибшей на Малой дуге под Алексеевкой.

Алексеевка. Это плиты с именами, как идти к фигуре солдата.

*Вблизи камень-валун: «Войнам
16-ой Литовской дивизии».*

*Крест воинам-литовцам, вы-
полненный в национальном
стиле. По каменным плитам
литовские имена попеременно
с местными, русскими.*

И опять памятники, но уже не самим солдатам, а их близким. В малоархангельской Ивани на пьедестале девушка, скорбящая по любимому.

Глазуновская Александровка. Каменное изваяние жены с сыном. Никогда уже не дождутся они мужа своего и отца.

А это воин склонился перед павшими боевыми товарищами. В Старом Луковце, где село ушло в Новый Луковец, так и остался этот памятник с коленопреклоненным солдатом.

В Глазуновском районе. Неподалеку от устья Оки. Аллея, ведущая к памятнику погибшим воинам 81-й стрелковой дивизии. На стене у вокзала станции Малоархангельска среди четырех дивизий и эта 81-я стрелковая.

А вот тот же памятник 81-й дивизии, но ближе. Справа и слева от стелы – плиты с именами.

Неподалеку, на безымянной высоте, у самой дороги памятник 8-й роте. Погибшая рота. Командир роты старший лейтенант Буланов И.И.

Последние в моем мартирологе плиты с именами у деревни Васильевки, что неподалеку от станции Малоархангельск.

На этой плите – есть и имя рядового Золотарева (без инициалов) – слева третий ряд, в ряду шестой снизу. И тут же он как бы взлетает ввысь перед нами – живой, с автоматом! Мой друг московский скульптор Валентин Чухаркин (сам тоже автор памятника тут, на Огненной дуге – в Золотухино), сказал мне, помнится, об этом памятнике:

-Это Крылатый Солдат.
Тут он лучший из всех.

«Крылатый солдат».

И я написал слова о нем, положил их на музыку Михаила Ножкина, пою эту песню а'капелла.

На окраине Мало-го города, за танком – газораспределительный участок, дорога на Глазуновку. Тут, на высоте, располагался НП – наблюдательный пункт Рокоссовского. С видом до самого Сабурово, где погибло народное ополчение – в основном хлеборобы из малоархангельских, колпнянских, должанских, ливенских сел и деревень.

Закончим же маритолог
Этой березовой рощей –
Их солдаты в нашей земле,
Под березовыми крестами,
Из которых выросла эта роща.

Целая роща из крестов под немецкими касками.

У станции Малоархангельск, за глазуновским поселком Соревнование.

Малоархангельск. Парк XXI века. Танк со словами на башне «За Родину».

Старый Луковец, брод на реке Сосне к танкоремонтному полю. В 43-м тут стояли окровавленные танки, вытащенные из боя. Их чинили и снова бросали в бой!

Мы ходили к этому полю тогда через речку «по мосткам тесовым»

*Вот оно, это самое поле. Тогда тут дислоцировалась танкоре-
монтная бригада полковника Угрюмова.*

Это памятник Пожилому Солдату. Все тянулся фотоаппаратом я к лицу солдата, чтобы снять его, показать как получше. Больно, однако, высок пьедестал.

Скульптор Валентин Чухаркин сказал:

-Видишь? Старый Солдат поднял оружие, чтобы защитить семью, свою деревню, свой родной край.

Станция Золотухино. «Солдаты» – работа моего друга, скульптора Валентина Чухаркина. Валентин Александрович обратил внимание на то, на плитах имена из одной той же деревни. Что это - что?

Это Курган. Был такой поселок в двух километрах от Малоархангельска. Теперь его нет. А ведь тут, говорили, располагался оперативный штаб Рокоссовского. Мы с сыном нашли тут воронки от бомб, блиндажи, окопы, ход сообщения. Удобное место для управления битвой. Возможно, был еще и штаб 13-й армии Пухова.

Тагино, средняя школа. Это Минакова Раиса Николаевна – библиотечкарь и Булгаков Иван Борисович – учитель труда. Так она все тут знает: и где родина Лескова, и как добираться до Старого Горохово, и где тут был блинаж Рокоссовского.

Он говорит:

– Колхоз наш носил имя Чапаева. Помню, памятник Василию Иванычу изваял Валентин Александрович Чухаркин. Имя Чапаева тоже вдохновляло солдат.

Она говорит:

- Видите? Речка внизу, а подалее – холм. Вот в этом промежутке и взяла в плен немецкого фельдфебеля наша разведка. Он-то и выдал военную тайну: час наступления. Рокоссовский упредил врага: на час раньше обрушила шквал огня артиллерия из Резерва Главного Командования. И сбила пыл вражеского наступления. Главнокомандующий хотел наказать Рокоссовского за то, что тот не согласовал со Ставкой день и час артудара. Жуков выручил друга: «Правильно сделал – и тактически, и стратегически...» Вот оно, это место, что определило успех наших войск.

Тут были ветераны

9 мая 2010 года.

«Бойцы вспоминают минувшие дни»

А это мы с крылатым офицером-летчиком, Героем Советского Союза Борисом Ивановичем Ковзаном, совершившим высокий подвиг: он протаранил четыре вражеских самолета. Я писал о нем, о его боевых действиях тут, в здешнем небе (очерк «Русские люди»).

Богатырская песня

«Зело крепок орешек». О Козельске - хан Батый.

Из летописи.

Жили в России, поле косили,
Русскую речь берегли.
Грянули вороны - черные оргии
И до истоков дошли.
Малоархангельск, Малоархангельск
Встал за Россию - горой!
Малый Архангельск, Малоархангельск -
Малый наш город - герой!
Встали свободные силы народные,
Люди великой страны.
Центром мы были, врага били
В самом горниле войны.
Семь километров огненных ветров,
Подвига наших солдат,
Где нас обагрjali - семь месяцев брали
(Да так и не взяли!) -
Малый наш Сталинград.
Вот он красуется - важен, рисуется
В центре Железной дуги.
В прахе и пепле мы только окрепли,
И - до Победы шаги!

Хлебный, красивый - в сердце России,
Дух богатырский живой.
Намobelisks по-прежнему близки,
Подвиг с седой головой.
Малый Архангельск, Малоархангельск -
Мал золотник, да дорог.
Дорого стоил Малоархангельск,
Наш героический город!
Как и Козельск, один к одному,
Чтит Мурашихинский лес
Малоархангельск, слава ему!
Высшая почеть с небес!

Малоархангельск
(На стратегическом направлении)

Только сейчас и понял,
Что было тогда, какой ад
В железной пурге.
Семь месяцев насмерть
Стоял Малоархангельск
На Орловско-Курской дуге,
Как Одесса и Сталинград!
Семь месяцев шли они

Семь километров -
От Глазуновки и Поньрей!
До сих пор вымывает кости большого веса.
Но в том-то вся суть и печаль,
Что свое время не сделала пресса -
Про Малоархангельск сказав невзначай.
Штрафники потому что тут гибли,
Штрафбаты, «Армия Рокоссовского»
И просто так, «лишние» люди, как эхо гражданской войны,
Тут обагрjali поля, -
Не считаны тыщи.
До сих пор на той самой кровянице
Хлеб рождает земля,
Все пропавших без вести ищем.
Не одни областные города
Одолели беду, говорят.
А Ельня? А Мга? Вот и Малоархангельск,
С юга обороняя Москву,
Почти семь месяцев
Стоял и не пал -
На самом ходу, на стратегическом направлении,
Как Одесса и Сталинград!
Мал золотник, да дорог, удал.
Защитил Курск, освободил Орел,
Первая фаза операции «Багратион»,

Освобожденье Отечества - до самой границы.

Велик в подвиге, хоть и мал.

Как перемесили его кровь и металл!

Весь наш народ городок защищал,

Подвиг на всю Россию!

Вот и сейчас с юга Москву замыкает!

Малых подвигов не бывает!

Легендарный городок

Малый, без трамвайчиков обходится

Тихий легендарный городок.

Грудью нас закроет Богородица,

Если враг к нам ступит на порог.

Весь в легендах. Путаем обличье:

Пушкин - ревизор, а я - Карузо.

А Гринев - наш мэр был, городничий,

Так Герой Советского Союза.

Тетя моя - первый председатель.

Мир тогда в руинах весь лежал,

Я еще ее и свою мать

В героизме не осознавал.

Все обсудят тут - по всей России,

Кое-что прибавят от себя.

В легендарной, творческой стихии
Я и рос тут, истину любя.
Только мать, бывало, скажет: «Боже!
Знаешь много - ну и помолчи».
И как камень на душу положит:
«А не то пойдешь на кирпичи».
Третий по значенью за войну,
А о нем как будто в рот воды.
Все мы у забвения в плену,
Все мы маловаты - степь, деды.
Уж дугу разбили по частям -
В областях удельные князья-с.
Если б розно воевали там,
Что сейчас осталось бы от нас?
Говорю, свое испив до дна,
От солдат, от имени руин.
С нами тут была да вся страна!
С нас удар - отсюда на Берлин!
Место нашей букве «М» - в столице.
На плите - за Мурманском, в Москве.
Штрафники - отверженные лица,
Хлеборобы с пулею в виске.
Мол, да дорог золотник. Породистый.
Тихий легендарный городок.
Грудью нас закроет Богородица,

Если враг к нам ступит за порог.
Вот живу, и нет, не наглядеться.
В удивленьи жизнь моя прошла:
Как в такое маленькое сердце
Ты вместиться, Родина, смогла?

На Малоархангельских высотах

(песня)

Тут, на высотах, сражались они,
В центре Железной дуги.
Память о них в сердце храни,
Их имена береги.

ПРИПЕВ

Здесь был войны той апофеоз,
Здесь погибали тогда.
Их, молодых, хоронили без слез
В шепотах русских берез.

Тихие плиты. Вечный покой
Ангел послал навека.
Редкие слезы смахните рукой
В центре всего городка.

Матери ваши с огромной страны
По одиночке лежат.
Спите спокойно, герои войны,
Помним вас, наших ребят.

Тут, на высотах, сгорали они
В центре Железной дуги.
Память о них в сердце храни,
Их имена береги.

ПРИПЕВ

Спите, родимые, спите!
Вас хоронили без слез.
Голову, люди, склоните.
В шепотах русских берез.

Песня про лейтенанта

«Тихо вокруг».
Высотки покрыты мглой.
Город во храмах приснится вдруг –
Лучший мой город земной.
«Письма твои получая»,
Штемпель на них полевой.

И в адресочке одни только точки,
Город страды боевой.
«Темная ночь»,
Только пули в степи и снуют.
Плакать не в мочь,
Завтра, наверно, убьют.
Только ветры свистели по ржи.
Только танк в той степи догорал..
Соловей, расскажи!
Как танкист - лейтенантик сгорал!
Как проклятья гремели врагу,
Как парнишка рыдал... Не могу!
Как услышу на том берегу,
Все к тому лейтенанту бегу.

Письмо из окопа

«Милая, любимая, родная!
Мне в атаку, солнышко встает.
Знаю, скоро точка огневая
Всех нас до последнего возьмет.
Просто так засыпят у дороги,
Звездочку жестяную прибьют.
Схоронили так уж очень многих,

Тут перед окопом и убьют.
Тридцать верст всего-то между нами,
Хоть денек у взводного прошу,
Говорит, возьмешь в атаку знамя...
В общем, если подвиг совершу...
Совершу и, значит, в землю лягу,
Но зато, мол, попаду в музей...
Приготовь мне, Маша, стопку, флягу
На помин души моих друзей.
Просто так лежат перед окопом —
С ночи на нейтральной полосе.
Как бежали, так и ткнулись боком,
Пулеметом ссаженные все.
Милая, любимая, родная, ты хоть будь!
С сыночком ты живи!
Вот за вас и знамя поднимаю,
Крикни напоследок, позови.
Милая, любимая, родная!
Нам пора уж, знамя где-то там...
Мне дают. Вот надо мной взлетает!»
Падают последние сто грамм.

Сабуровское поле

Сабуровское поле у высот,
На подступах к Малоархангельску.
Тут птицы останавливают лёт,
Когда летят, кричат над ним по-ангельски.

Тут тысячи легли в одной атаке,
Смертельная их жатва догнала.
И алые сабуровские маки
Весною встали, где она была.

Один цветок - загубленная жизнь,
Стеной соборной, размахнулось поле.
Постой же, жаворонок, поддержишь!
Они легли, чтоб вы летали вволю.

Все здешние, штрафбаты, хлебобобы!
Они пахали многие поля.
Но это вот, в Сабурово, особо,
Особо перепахана земля.

Какую рожь тут собирали годы!
Какой собор печальный на крови!
Они лежат тут, многие народы,
И эти маки - дань земной любви.

Печаль проходит, память остается.
За Красной Зорькой солнце западет.
Увидишь звезды тут, на дне колодца,
И каждый раз дух кровью обольется,
А сердце остановится, замрет.

Китель Рокоссовского

После Сабурово - фронта Хозяин
В Малоархангельск нагрянул.
Был я мальчишкой, рот свой раззявил,
Не оторвался, как глянул!
Был он высок и красив, в сапогах.
В кителе, сшитом Филиппом.
Был тут такой у нас - Лаушкин, маг,
Специалист по клипам.
В кино хоть полководца снимай -
Вылитого артиста -
Дань Рокоссовской фигуре отдай!
Видел, стоял очень близко.
Мы, пацаны, сквозь оцепление
Как-то пробрались. В кругу
Трость проявляла особое рвенье, -
По сапогу, по сапогу!

Алый околыш, белые лица, -
Мог бы любого в окоп!
Я же на китель не мог надивиться.
Ажник он треснул под мышкой,
Сроду не видел, это уж слишком.
У генералов трескалось чтоб.
В кителе, сшитом Филиппом,
Встал Рокоссовский у школы старой.
Бил Рокоссовский по клипам,
Сразу по всем кошмарам.
Я бы напротив музею
Отдал те клипы следом,
А тут бы у школы поставил Расею
В кителе, сшитом соседом.
Я бы поставил памятник тут.
Сделанный фронтовиком.
Тоже сосед мой!
Годы идут,
Не успокоюсь на том!
Все говорят, мир - из идей.
Крутится шарик, неистов.
«Филипп» с латыни - любящий лошадей,
А Рокоссовский когда-то был кавалеристом.

Катюша

В городе этом девчонка жила,
В центре всего городка.
И до него докатилась война -
Мало - ар - хан - гельска.
Как-то у нас тут «ЗИСы» появились.
Кутая в серый брезент,
Четко стояли при них часовые,
Нас не пуская под тент.
Близко крутилась тут эта девчонка,
Пела она все звончей.
Все про «Катюшу» - душевно и звонко,
Ей подпевал соловей.
Косы горели на рыжем закате,
Голос звенел за двоих...
Так и прозвали Луизу ту Катей
С легкой руки часовых.

Елецкая Троя

Оккупация. Наши разведчики
На уголке сквера -
Двое парнишек и девушка,
Гулко народом встречены.

Шли они под руки...
Эти, что с автоматами, - лешие.
Чаша жизни короткая,
Смерти полная мера!
Их имена не знали. Трое, и все!
Девушка с перебитыми ногами одна
И пареньков с обеих сторон ее – двое.
Только потом мы узнали, что из Ельца она,
Наша античная Троя.
Под автоматами молча стояли мы - жители городка.
Матери наши, мы - дети войны.
Будь она проклята, война эта, боже!
Крест на ней отсюда и до Костромы.
И дальше, дальше - вдоль всей страны!
И поперек тоже!

Дети войны

Дети войны те же фронтовики...
Те же бомбежки и мины...
В атаку ходить нам, таким, не с руки,
Шеи тонки и длинны...
Гена, два Толика - переулочек Косой,
Какого уж нет и в помине.

И я чуть сзади - без лопаты, босой.
И мины кругом на mine!
Столб подняло, промолотило,
Пыль оседала в траву.
Крылатка красивая, что же ты натворила!
К празднику, к Покрову!
Шел сорок третий. Кругом тишина.
Белые, белые лица.
А нас на повозках все возят в больницу.
Все не кончалась война.

Трофейное кино

Песни по городу мчатся с душой,
Их не забудешь вовек.
Митя Самойлов - язычник большой,
Очень большой человек.
Крутит кино! Как будто князек,
Митя сидит, движок тарахтит.
- Трофейное кино! Трофейное кино!
Из довоенных, «Дилижанс» оно -
На весь Малоархангельск он кричит.
«Эх, путь - дорожка фронтовая!
Не страшна нам бомбежка любая!

А помирать нам рановато,
Есть у нас еще дома дела».
Песни, что вы творите со мной!
Ставит пластинки язычник.
«Зою» показывал левой одной,
Плакал майор - пограничник.
Плакал весь город, плакали все –
Дети погибших отцов.
И ненавидели мы подлецов,
Не голодавших, свои «лампасье»
Жравших на смерти наших отцов.
«Эх, путь - дорожка фронтовая!
Не страшна нам бомбежка любая!
А помирать нам рановато,
Есть у нас еще дома дела!»
Митя Самойлов, – в трофейном кино
Мы навидались всего!
Митя Самойлов, как было давно,
Крутит кино! Крутит кино!
Пятый сеанс уж. Что же оно
Нам не покажет его самого!

Юлия Друнина

Комбат

Когда забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули.
Всегда стрелял без промаха комбат.

Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шел на пулемет.

Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что смертью храбрых пали их сыны.

Крылатый солдат

(песня)

Есть такой памятник у деревни Васильевки,
что за станцией Малоархангельск.
Слова Леонарда Золотарева
на музыку Михаила Ножкина.

Мы слишком долго, слишком долго отступали.
Аж от границы пятились сюда.
И вот мы дома тут, мы дома тут, мы встали.
Мы - серединные, мы были тут всегда.

Малоархангельск - Малый городок.
Жестокий фронт, но мама рядом, близко.
Дай на побывку пустят на часок,
Прильну к груди и снова в зону риска.

Курган в степи, курган в степи. Гробы и доски.
И нам туда, и нам туда в расцвете лет.
А был ведь хуторок тут, Рокоссовский.
Тут люди жили, а теперь их нет.

Я завтра под Сабурово намечен,
А послезавтра лягу под Панской.
Не бойся, мама, я бессмертен, вечен
В кровавой сатанелости людской.

Запомнюсь я, запомнюсь я, как щит и меч.
Наверно, скажут: был парнишка честный.
А я такой, а я такой, - об чем там речь?
-Так и останусь, мама, неизвестный.

Я в плащ-палатке на крылах взлетаю
Под облака, под самую грозу.
Дай до Берлина после смерти прошагаю,
На пузе до победы проползу.

Малоархангельск - Малый городок.
Мы же свои, святая Русь, святая.
Как что давать, так чуточку, чуток.
Как погибать, так братских тут хватает.

Запомнюсь я, как щит и меч, как щит и меч.
Наверно, скажут: был парнишка честный.
А я такой, а я такой, - об чем там речь, -
Так и останусь, мама, неизвестный.

Один полет, один полет, одна семья.
Наверно, скажут: был солдатик честный.
Ах, мама, мамочка, да что там ты и я?
Да весь наш фронт, Центральный фронт,
Центральный фронт, Центральный фронт
Останется тут примечательностью местной.

Дан приказ

(отрывок из военной повести)

Прицелясь взглядом к винтовке, Арсений выскочил из окопа и захлебнулся криком. Ракеты еще не успели опасть, опуститься, как все, что было сейчас тут, под Сабурово, и во всем мире, рванулось навстречу Арсению. Ракеты еще только гасли, а уже пали первые – рядом и впереди. Пулеметов и минометов Арсений не слышал и слышать не мог, он слышал только себя. Он встал и рванулся вперед, в этом не было ничего особенного, просто встать и рвануться вперед, а то, что упал он один и упали другие, так это просто упали – упали, и все. И главное даже не в них, а в том, что перед ними лежало поле, длинное, бесконечное поле, а за полем – траншеи, за траншеями – Сабурово, деревня, гребень высоты и где-то там в болотах – наши танкисты. Он не знал еще, как ударяет хмель в голову, и потому ни чем не мог сравнить упоение, которое вдруг овладело им при виде этих ракет – их было три, и все красные.

Он увидел перед собой впереди отброшенную высоко и в сторону ногу Елочкина: подошва на сапоге стерта до основания, значит, изношена. И у него, Арсения, кто-то, возможно, видит подошву, обмотанную медной проволокой, как далеко назад отлетают его вихлястые, журавлиные ноги.

То упоение, в которое привели его сигнальные ракеты – все три красные, держалось в нем, пока держались в небе они, эти ракеты, и он бежал под их светом впервые, – не на тренировке, не на стадионе, там враг, конечно, и там же его, Арсения, ждали свои – в каждом городе и селении, до самой границы.

В тот миг, пока над ними горели ракеты – три красные, все в Арсении словно наткнулось на стенку, когда рухнул вдруг этот, в полосатой тельняшке, что писал письма матери. И припал на руку тот, с буквами «Полюбите Толю». И упал третий, четвертый...

И все боли мира грянули в грудь Арсению: мелькнул в памяти муравей, только что ползший по сизой былке; знать бы тому муравью, как коротка его былка. И тут же скользнуло в Арсении все мимо куда-то от ракет под былками, лопухами, сапогами, подошвами, под бегущими и падающими, как дрожит, оседает все это в неверном краснеющем свете, и все это – цвета крови, вспыхнувшей на спине у парнишки, и все это всюду кровь его, разведенная, как на молоке, на всем этом жидком рассвете... так умирают, так...

Это чуть ли не сбило с толку Арсения: защемило где-то внизу живота. Появилось желание упасть на землю, вжаться в нее, превратиться в соринку, в муравья. Сейчас у него есть все: руки, ноги, грохот сапог впереди; есть про-

шлое, настоящее, будущее, но вот расплывется пятно на спине, и не станет сразу же ничего. И будет жизнь и будут другие, но он уже не узнает, что будут другие – это земля его, родина, люди: и мать с отцом, и Андрей с Семеном, и Фрося, и ротный – земляк его Карп Митрофанович, и тысячи тысяч других. Все, что когда-то ему давалось годами, заберется одной секундой. Бежать достичь, вцепиться и отобрать назад – это свое, изначальное, эту землю, где лежат пращуры до миллионных колен; стереть, растворить в небыли тут могут только его одного, но не страну, не народ его, как когда-то те племена в Азии, Южной Америке, от которых до нас дошли только каменные письмена...

И больно же сделалось ему за парнишку, у которого расплылось пятно на спине, за «Полюбите Толю», припавшего на руку, за всех, кому еще предстояло упасть...

Вот что пронеслось в Арсении между первым и шестым его шагом от бруствера, пока в небе висели ракеты. Он бежал, и слева – из левады, справа – от кладбища – били внахлест пулеметы, из ракетника гавкнули минометы. Арсений увидел, как втянулась в плечи голова «юбочника», как, пригнувшись и таща винтовку за ремень, так что приклад запрыгал по кочкам, «плюшка» эта юркнула в сторону, в небольшую ложбинку. И тогда Арсений с палкой в руках побежал просто вперед, его понесло на пу-

леметы, и он орал, захлебываясь от восторга, от брызнувших слез: «Дубина народной войны!.. народной войны!.. И колоти, колоти, коли, пока не погибнет все это дерьмо, все нашествие»...

Вдруг в ушах что-то лопнуло. Очнулся он от прогорклости в горле, щекотания в носу. Перед самым носом топорщился ярко-желтый лютик, на нем трепетала пчела. «Значит, жива», – подумал Арсений и услышал стоны. Впереди, совсем близко, были траншеи, там ощущалось движение. Тихо звенело в ушах, эти тихие звоны делали стоны слабыми, какими-то одинаковыми, позже он стал различать тона. Справа, чуть позади, стонал сипловато тот, в гимнастерке, в домотканых штанах. Что первый положил в лопушок свою порцию каши, а поев, облизал ложку и сунул ее за обмотку. И сейчас его алюминиевая ложка, скорее всего, покоилась тут у него за обмоткой. «Пить», – застонал он, и Арсений облизнул губы. И тут же щекой, теменем, всей головой своей он понял, что солнце стоит высоко. «Братцы, – слышалось теперь уже справа, – пристрелите... пристрелите»...

Трава пахла дурманом и медом. Медовым духом к покосу, бывало, пропахивал дед Филипп, он заводил Арсения к себе в полутемный омшаник, ставил перед ним чашу с прозрачным медом, клал краюху ноздреватого хлеба. Воспоминание усилило муки. А солнце пекло.

На нос упала дождевка, Арсений вздрогнул, устроился поудобнее – лицом ввысь, так и лежал. А небо было бездонное, синее, чем даже любимые Фросины васильки. Справа, из ложбинки, куда нырнул с винтовкой мужик в «плюшке», закричали «ура». Сначала Арсений даже не сообразил, что это атака, потом ему ударило в голову: это же наши, выручают ребята! Бежали свои – тоже с палками, почти без оружия. Слышно было, как немцы забегали по траншее, загорготали, воздух вспороли пулеметные очереди.

Мимо прогрохотало несколько пар сапог. И опять стало тихо. Смолкли и пулеметы. И тогда там, в траншее, опять засмеялись враги, они взвизгивали, захлебывались от визга, как поросята. Арсению стало страшно: так действительно не могут смеяться люди, что они с ума посходили? Он повернулся, чтоб утереть лоб ладонью, и между собой и траншеей увидел лежащих. Только что бежали и вот лежат. Навалом, кто как, друг на друге. Винтовки на палках, палки на винтовках. Пилотка сползла со лба, и ветер, раскатав мягкую русую прядь, швырнул ее на погоны. «Андрей?!» – ахнул Арсений.

Арсений уткнулся зубами в землю, лежал, каменея. Что им надо здесь, этим разбойникам? Так просто убить столько людей! Еще в восьмом классе Григорий Григорьевич, их школьный историк, говорил, что цивилизация вступает в новый этап, когдат войны исчезнут. Торговля

и производство дадут человечеству все необходимое. Да, войны исчезнут, но это, возможно, в будущем, а вот сейчас, в эту минуту, перед ним, Арсением, лежали ребята, и ветер веял русой прядью парня, похожего на Андрея, и кто-то, шевеля сухими губами, просил его пристрелить... Он приподнялся, чтобы лучше разглядеть: «Так Андрей это или не Андрей?» И тут же рядом что-то грохнуло, потом еще и еще. Мины, скорее всего, из миномета, что бил вон оттуда, из-за кривой, разбитой грозой ветлы. И тут же где-то там воздух вспорола еще одна пулеметная очередь, и пули веером прошли над его головой. Он с любопытством глянул на эти свистящие разноцветные мухи; какими-то зияющими, электрическими полосами они уходили за его голову туда – в конец поля и где-то там пропадали. И вдруг справа, почти у самой ноги, словно рвануло холст, поднялся столбик земли, и Арсений задохнулся от газов...

Арсений очнулся. Опершись на локоть, и совсем рядом, за разлатым конским щавелем, он увидел свежую воронку – от мины, а подальше большую – вероятно, воронку от бомбы. Щелкнула пуля – снайпер? Мягко пуля вошла, утонула в человеке, лежащем напротив. Арсений повел взглядом: и справа, и слева лежали еще живые и уже мертвые... Сколько их, Господи! Арсений протянул руку вперед и попал ею в густую, теплую ижицу – ужасно, то

была кровь. Послышалось какое-то теньканье рядом – это с края воронки, из человека в воронку тенькала кровь.

И тогда Арсений увидел, что он весь лежит под трупами, они сковали его своей тяжестью, у него свободны только грудь и руки, все остальное тело его под живыми и мертвыми, лежащими кое-как тут, вповалку. Они придавили его, невозможно ни привстать, ни даже ногой шевельнуть. Единственное спасение – это большая воронка. Надо было освободить ноги, перекатиться в нее...

Тут, в воронке, жить еще было можно. И увиделось ему вот что. Сначала на небе обозначился черный квадрат – над ним, над всем этим Сабуровским полем. От всего этого веяло какой-то огненной жидкостью; и он летел в яму какую-то, но только вверх, а не вниз, летел в эту страшную, проклятую яму, за которой, кажется, не было ничего, кроме пустоты, смерти. Потом огненность сошла с квадрата, и он стал светить, подсвечиваться откуда-то снизу серебриюще розовым, последним лучом уже закатившегося Солнца. И Арсений увидел себя как бы в роли Андрея, но только другого – Болконского, когда тот лежал где-то там, под Аустерлицем, и к нему подошел сам Наполеон. Нет, Наполеон ему, Арсению, не явился конечно: далековато, наверное, во времени и пространстве. Явились свои – те, кто поближе, но тоже самые главные. Сначала Командующий Центральным фронтом Константин Рокоссовский.

Вот он стоит во дворе старой школы тут, в Адамове, и распекает своих генералов за эту вот атаку на Сабуровском поле, где на каких-то десяти гектарах легли сразу десять тысяч, брошенных в бой почти без оружия – почти все вчерашние хлеборобы, которые совсем ведь недавно еще пахали все эти поля, хлеб выращивали истерически – для страны, исторически – для Европы, для всей мировой цивилизации. «Кровавое месиво!.. Что же это вы, – бьет он в гневе тростью себя по сапогу, вперясь глазами в своих генералов, – что же это вы убиваете народ так жестоко, бездарно?! Почти по миллиону в год...»

– А кормить, – говорят, – чем? Американская тушонка и яичный порошок только гвардейским частям!

– И безымянно! Люди брошены в бой почти без оружия! Без авиации и артподготовки!... Вас бы в окопы! Под пулеметы и минометы!...»

И тут свет в квадрате гаснет, видения исчезают. И – тишина. Постепенно квадрат краснеет, как бы от ушедшего за черту Солнца. И наливается кровью, становится багрово-красным. «Если так дело пойдет, будет нас пятьдесят миллионов, а для такой территории надо хотя бы двести». И опять возникают видения: полководцы наши, на самом высшем уровне, герои гражданской войны. Тоже как будто под Аустерлицем. Но только перед ним, Андреем Болконским, уже не Наполеон, а наше Верховное

Главнокомандование во главе с товарищем Сталиным, а еще заместитель Верховного Жуков и начальник Генштаба Василевский.

ВАСИЛЕВСКИЙ (докладывая обстановку на Центральном фронте товарищу Сталину). Адамов (Малоархангельск) держит оборону – ни шагу назад, ни километра! А под Прохоровкой враг продвинулся на 35.

СТАЛИН. Ротмистрова там держать нецелесообразно.

ЖУКОВ. Под Адамовом – Сабурово. Трусами брешь закрывают, кровью! В основном хлебобобовской... Помните, повесть Алексея Толстого «Хлеб», бои под Царицыном?

СТАЛИН. Как под Царицыном? Эхо гражданской войны? Ни звука про это. Политбюро считает, что ворошить прошлое подобного рода нет необходимости.

Обращаясь к начальнику Генштаба.

Так что там у нас со стратегическим планом?

ВАСИЛЕВСКИЙ. Центр выстоял – этот Адамов (Малоархангельск). Создается возможность для контрнаступления с разворотом по глубине фронта на Юг и на Север. На Север – отсюда и от Болхова охват Орла, продвижение на Хотынец, далее на Брянск, в Белоруссию. Оттуда возможный удар с Севера на Юг, до Черного моря, – большой «котел». Чем глубже Гитлер продвинется в районе Прохоровки, тем надежнее враг увязнет в глубине нашей

обороны... Итак, разворот с Севера – как бы правая рука вперед, а с Юга – как бы левая рука назад... В итоге кольцо неприятелю, «котел» почище Сталинграда...

СТАЛИН. Замечательно. Держать в строжайшей тайне.

ЖУКОВ. Даже Рокоссовский не подозревает.

СТАЛИН. И в дальнейшем держать в тайне. Пусть главными останутся большие города: Курск, Орел, Белгород. Хотя это сражение не за города, а за стратегическое пространство, где решающую роль играют малые города типа этого, как его... Малоархангельск... крепок орешек... На северном фронте Орловско-Курской дуги – Болхов, на южном – Прохоровка... В центре у Рокоссовского – Малоархангельск...

Кровавый квадрат перед Арсением меркнет, Аустерлиц пропадает. Андрей Болконский снова уходит в забвение, куда-то севернее Орла – в Ясную Поляну, в прошлое – к Бородино. А тут настоящее – опять пока тишина. Впереди – будущее, опять же это Сабурово, во все стороны перед ним, Арсением, это Сабуровское поле. И немецкая речь где-то близко и снова голоса впереди, в немецких окопах...

Арсений принимается выбираться из-под трупов, из воронки от бомбы, медленно отползает в нашу сторону – на Восток, к Адамову. А с нашей стороны по полю уже

ползут санитары. Снова затарахтели немецкие пулеметы, сухо защелкали снайперы, и санитары затихли. Арсений выждал еще с полчаса и ящерицей завилял к тому, что лежал от него в двух шагах. Дотянулся до каблука, потащил на себя в воронку. Посадил паренька поудобнее и заглянул в глаза: в них уже остывали звезды.

Так и сидели вдвоем, друг против друга. А домой к пареньку где-то шло в это время письмо, что писалось им на котелке перед атакой, и идти будет еще неделю, другую. А вслед пойдет другое письмо – от начальства и тоже будет идти неделю, другую. И все эти дни паренек будет жив там где-то, в белой хатке под кленами. Он и сейчас умер не весь. Не правда это, что люди, умирая, сразу уходят куда-то. Почему же тогда, когда в доме покойник, не говорят при нем о смерти? Почему страдальческая гримаса исказит вдруг лицо его? Нет, это не о летаргическом сне – о другом. О том, что у умершего еще живет что-то, какие-то органы, давая ему ощущение жизни. Он, вероятно, еще слышит, понимает тебя, хотя уже ничего не может произнести...

Арсений сидел, обхватив голову, легкий озноб начинал трясти его. Он чувствовал на себе чей-то взгляд. Конечно, этого, лежащего рядом. Лежит и следит за ним, за живым, и, возможно, завидует, а возможно, и нет, потому что ему уж не надо ни пить, ни вставать, ни выби-

раться отсюда под пулеметами, ни идти завтра снова в атаку. «Мистика какая-то, – вздрогнул Арсений, – лезет всякое». И повел взглядом по полю: тела, тела, лежат себе тихо, лишь один – ему показалось – слегка шевельнулся, просвистел: «Пить». «Еще одна неубитая, живая душа», – обрадовался Арсений.

Жуть объяла его, со страхом ждал он вечера, следил за малейшими изменениями в небе, за подсветом трав, за всем, что подавало признаки подступающей тьмы, страшной ночной тишины. С болью вслушивался он в голоса, они сходили на нет, умирали. Если бы у него была фляжка, хоть капля воды, он спас бы вон того паренька. И вот этого, справа. Дневное пекло сменилось сумеречной тишиной. Когда Солнце село, зазвенели кузнечики. Арсений повернулся лицом к небу, стал ждать окончательной темноты. И вдруг увидеть дневную Луну – неущербленную, полную. Арсений застонал и потерял сознание...

Он искал поблизости хоть одного лежащего тут неубитого, но они жили только в его воображении; одному пуля вошла прямо в глаз, другой лежал без ноги... Рядом щелкнула пуля, еще одна. Арсений вжался грудью в песок, сердце остановилось. Да что же это такое – головы не дают приподнять!

Высоко над головой висела Луна, ее пепельно-серебряный свет обозначал уже краткие тени. Арсений слегка отдышался и снова пополз к своим, назад с поля боя. От

одной живой души к другой. Однако, когда он подползал к лежащему, живая душа уже оказывалась мертвой, убитой. В бессилии Арсений отвалился на край воронки. Трупы смотрели на него, в глазах стекленела луны. У Арсения на спине от страха начинала двигаться кожа...

Луна поднялась еще выше, все вокруг стало бледным каким-то, мертвенным, пепельно-серым. И Арсений понял, что, провозившись, он упустил свой шанс. Вблизи все также маячила не наша – чужая траншея, по траншее уже начиналось движение. Он попробовал приподнять голову, рядом опять же шлепнулась пуля.

Быстро подсохла роса, июльская трава натянулась, сделалась жесткой, пружинистой. Язык уже не вмещался во рту, нёбо было все в кусках, истрескано, наверно, до крови. И вот стоны совсем прекратились. Травинка обозначилась перед глазами, она все двоилась, троилась, он откусил ее, затем поставил метелкой ввысь и крайне задумался: эка вымахала, вытянулась, как струна. Что же держит ее изнутри, такую высокую, тонкую? В чем причина такой удивительной стойкости? «Пить, пить», – снова слышалось где-то.

Что-то толкнуло его изнутри: полынь рядом качнулась и замерла. Арсений приподнялся на локте и увидел фигурку – тонкую, пышноволосяную: «Фро-ся?...» Обхватила раненого рукой, подтянулась, ползет... «Длинный, серебряный чуб. Неужели Андрей?»

– Фрося, – шепчет Арсений так, чтобы было не слышно в

чужой траншее.

Ее же могут убить. Вот сейчас у него на глазах. Снайпер уже готовится к выстрелу. Вот берет ее на мушку, следит за ней, прищурив глаз...

– Фрося, – шепчет он.

Впереди что-то сверкнуло.

– А-а-а! – подбросило вверх Арсения, и весь ужас этой атаки, всего, что пришлось пережить ему в эту ночь войны, вырвалось из него в этом крике. – А-а-а!!! – зазвенели перепонки от предельного звука. Что-то лопнуло в горле, он рванулся вперед, хотел еще позвать: «Фрося», а получилось бессвязно: «О-а-а». Он повторил с усилием, уже приказывая себе: «Фрося», – напрягся так, что надулись жилы, посинело лицо, и захлебнулся в своей немоте. И жутко стало ему, он привстал на коленки и, упершись лбом о землю, пропахшую кровью, по-звериному зарычал, стал скрести землю когтями, не чувствуя боли. А потом упал на дно воронки и потерял сознание.

Когда пришел в себя, прямо перед глазами Арсений увидел все ту же Луну, на ее фоне ту же травинку – луговую овсяницу: распрямившись, она тянулась метелкой ввысь; и вдруг он все вспомнил и застонал. Срезанная пулеметом, тут же на голову ему упала эта былинка, такая высокая, тонкая. Всю войну, весь бой этот держалась, упертая в себя изнутри, в своей удивительной стойкости, а теперь вот упала.

Леонард Золотарев

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ,
НА ЗЕМЛЕ ПРОСИЯВШАЯ**

Колокольные звоны
Освящают иконы,
И Богородицы оны
Преобразуют клены
В взолотое шитье.
Грудью кормят мадонны
Наше бессмертье, дитё.
Громоподобен набат.
Русь подымая, Алеша – солдат
Так и стоит в Коренной
Рядом со мной.

На земле просиявшая

Коренная пустынь - святое место Серединной Руси. Расположена к северу от Курска - в 27 километрах, по реке Тускарь. На высоком откосе, сочащемся родниковой живоносной водой. Отсюда открываются дали неоглядные, древнее, красивейшее место Родины. Недаром еще с времен «Слова о полку Игореве» православная церковь освятила его, создав тут мужской монастырь. Тут испокон проходили трети по значению (после Нижегородской и Уральской) российские ярмарки. Коренское поселение, названное Свободой, в битве на Орловско-Курской дуге 43-го года, для штаба Центрального фронта облюбывал Константин Рокоссовский. Военный гений знал: Коренная духовно поможет Руси в одолении вражеского нашествия. Звукопись-то какая: Коренная - КР, Константин Рокоссовский - КР, Красота - КР, патриарх Кирилл тоже КР. К трем коренским стихиям (Земли, Воды и Неба) прибавилась четвертая стихия - Огня.

Сюда, к красоте и свободе духа, к святому коренскому источнику потоком стремятся люди, народ. Недаром на Воробьевку, что тут поблизости, положил глаз когда-то русский поэтический гений Афанасий Афанасьевич Фет - Шеншин.

24 сентября 2009 года святую обитель посетил Патриарх

Московский и всяя Руси Кирилл. Вместе с ним сюда прибыла коренская икона «Знамение», ее привезли из Америки, где волею судеб она пока пребывает. «Знамение - орудие, а не цель», - сказал Л.Н. Толстой.

Предстоятель русской православной церкви при великом стечении людском освятил восстановленный, вставший из праха коренской храм Рождества Пресвятой Богородицы.

Воспоем еще раз Коренную пустынь, коренскую Свободу! Покажем их в фотографиях всякой любящей, очарованной душе, как это сделали немного ранее мои друзья, куряне - скульпторы Вячеслав Клыков в образе Серафима Саровского тут, в Коренной, и Валентин Чухаркин - в скульптурной группе солдат на станции Золотухино - районном центре Свободненского поселения.

Автор

Прометей, разрывающий цепи. Олицетворение Свободы.

Свобода как поселение. На автовокзале.

На Главной площади. Руководство страны, церкви, Курско-Рыльской епархии, Коренского монастыря. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл осеняет нас коренской иконой «Знамение».

Вот она, коренская икона Божией Матери «Знамение», как сияет! Обнаружена в былые времена в земле, куда была спрятана от нашествия дикой степи. Проросла корнями вяза и тем чудесным образом была спасена. Коренской – стали называть икону «Знамение». Коренная Русь, Коренской монастырь, коренные русские земли.

Икона Божией Матери «Знамение»

Через столетия дошли до нас чудесные знамения милости Божией, снисходящие на всех, кто с верою прикоснулся к чудотворному образу и молился иконе Богородицы «Знамение». Этой иконе молятся, прося милостей и щедрот, защиты и мира нашей стране и всему миру.

*Руководители государства и
Курской области.*

Главный вход в Коренской монастырь.

Процессия во главе со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, пронося духовную реликвию – коренскую икону «Знамение», ступает на площадь с народом, перед Храмом Рождества Пресвятой Богородицы.

Процессия во главе со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, приближается к Храму.

*Коренская икона у входа.
Проходя в монастырь, к ней
прикладываются паломни-
ки.*

*И далее путь к святой воде. Колокольня с крестом, у прохода че-
рез нее к Храму Рождества Пресвятой Богородицы.*

И тут на пути к Храму прикладываются люди к Иисусу Христу.

Пройдешь – и направо икона у «Древа жизни». Тоже символ, олицетворение.

Налево – внизу хозяйственный двор. И там вдали, за кучами деревьев, Воробьевка, бывшее некогда имение русского поэта Афанасия Афанасьевича Фета.

Вход в церковную лавку, куда так и тянет войти.

А это в церковной лавке иконы. Святые лики.

*Отлетела душа в небеса.
Часовня с летящим ангелом.*

Святой Серафим Саровский в нимбе. И пал Серафим Саровский на колени перед Красотой земли, перед людьми, ее населяющими, да так и замер, коленопреклонясь.

И тут же замерла, посмотрела в даль неоглядную девочка: и что там увидел святой Серафим? Хорошая девочка, очарованная душа.

В конце лестницы лицом туда, к живоносной воде, дерево, посаженное патриархом Лавром из Америки.

А это Игорь у дерева. По гороскопу, это его дерево – вяз. По церковным предтечам, в корнях вяза, после огромных полчищ, и найдена была коренская икона, поднявшая монастырь из руин. Коренская икона «Знамение» предрекала освобождение Святой Руси от дикой степи.

Видите, как в этом Храме Живоносного Источника служат Стихии Воды, освящают ее, ставят на службу человеку.

Вот она рядом тут, коренская водица. Служит поломникам, утоляет жажду, омывает руки, лицо. И нам под коренской иконой.

Плавню текущие воды реки Тускари. Народ, совершающий в жаркий день омовение.

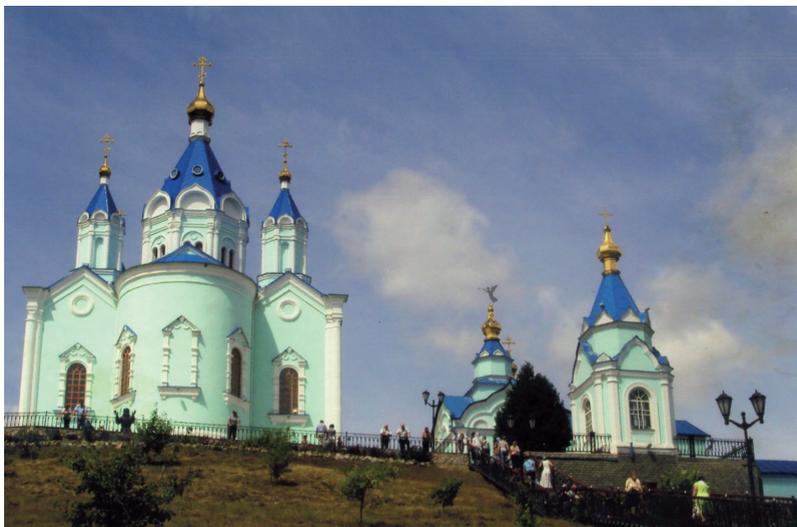
И далее пошли мы по сочащемуся живыми ключами берегу реки Тускари. Вот один из ключей – родник часовни Казанской иконы Божией Матери – защитницы Отечества. По обе стороны ее – вышитый рушник со словами «Спаси и сохрани».

И вот туда люди идут и идут, мне на встречу.

*И монашки туда же прошли. Молодые, гибкие телом, духом тут
Коренной утверждаемые.*

И тут душу опять потянуло ввысь – туда, к Храму Рождества Пресвятой Богородицы, к ангелу, летящему в небе.

И появились люди с хоругвями и иконами, святыми ликами. Оттуда, от святого Серафима Саровского. Крестный ход.

А тут уже из освященного патриархом Кириллом воссозданного Храма Рождества Пречистой Богородицы появилась процессия и двинулась снова вверх – к Богу и к людям – в народ.

Патриарх Кирилл шествует ввысь по монастырю – впереди процессии.

А один служитель в конце процессии увидел меня, приостановился и улыбнулся. Смотрите, всегда теперь вижу его по телевизору с патриархом в таких шествиях.

И мы снова на Главной площади перед монастырем. Вот, читайте, что тут написано о Курском крае. О былом значении Коренской ярмарки для Юга России.

Детский Дом творчества в Коренной.

У Главной площади Светильник Разума, подле Русской Березы.

И тут же «город мастеров». Плетеные стулья, корзинки, сувениры, народный промысел, духовный фольклор. И я тут себе ручку купил из березы, чтобы писать таким стелом. Светлее, жизнелюбивее, покоренски.

Трудовая жизнь в монастыре кипит и сейчас. Вот монах в черных одеждах идет с полным ведром.

А вот монах стоит и беседует с человеком у автомобиля. Ничто человеческое нам не чуждо.

Коренской историко-культурный центр. Стою, замерев, тут, у монастырского музея.

*По ком звонит колокол? Он звонит по тебе. Гремит набат, когда нашествие к нам то с Востока то с Запада.
Спокойно пока на Руси.*

Но иные были – военные времена. Когда властвовала Стихия Огня. Главный вход в Музей Центрального фронта. Свободный доступ к реликвиям фронтовиков, к блиндажу штаба Рокоссовского.

Вход в Музей Центрального фронта. Под березой – земля аж скипелась от Огня прогремевшей битвы.

Солдат! Коренской Алеши. Дух его прошел по всем памятникам на Орловско-Курской дуге.

Это состав Центрального фронта. Видите, 13-я армия генерала Пухова, что стояла на смерть перед Малоархангельском.

Вооружение. Главный наш танк – знаменитый Т-34.

Боеприпасы, мины, снаряды, бомбы. Фугасные, в тонну весом.

И сквозь это стекло проходил просто живой человек – «с лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом»

А это экспонат с передовой. Изобретение солдата на передовой. В редкие минуты затишья.

«Вьется в тесной печурке огонь»...

Солдатская смекалка: в землянке печурка из гильзы крупнокалиберного снаряда.

В музее Центрального фронта. Маршальская фуражка и шарф маршала.

Бюст дважды Герою Советского Союза, маршалу Рокоссовскому.

Блиндаж штаба Центрального фронта. А за блиндажем траншея, на всякий случай. Если – десант, если – танки. А сейчас все тут тонет в яблоневых садах.

«Расцвели яблони и груши», где поет про былое Катюша.

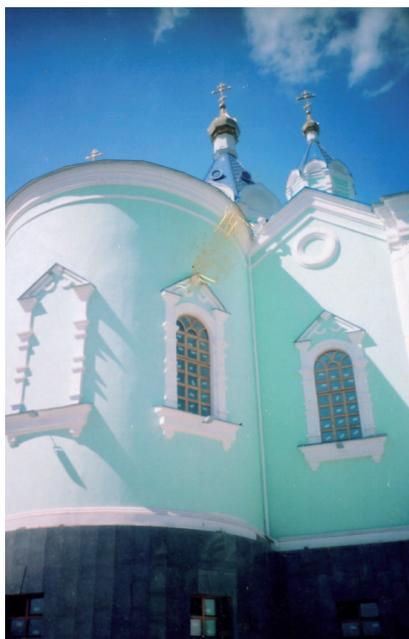
Коренная. Паломнический центр. Это, где люди, приезжая сюда, ночуют.

А это приезжие тоже себе здесь находят приют. Коренская гостиница.

Композитор Георгий Свиридов в Курске. Вот его слова :
 «Воспеть Русь, где Господь дал возможность мне жить, радоваться
 и мучиться».

Поклонимся же Свободе, Ко-
 ренной слободе, коренной Руси,
 где звучит во мне главная кни-
 га Древней Руси – эпическое
 «Слово о полку Игореве»:
 «А мои курыне – буйны воины».

«Любовь только тогда может
давать, когда она забывает о себе».
Митрополит Антоний Сурожский

«Есть в твоём сердце Бог.
Есть в твоём сердце Небо.
Есть в твоём сердце Любовь».

Архимандрит
Иоанн Крестьянкин

Серафим Саровский. Отсюда видать далеко, до самого Малоархангельска.

*А тут, в Малом городе, в своем материнском доме. Присяду я к столу, а на столе коренкой карандаш из березы и свеча. Всю ночь сижу, пишу.
«Свеча горела на столе,
Свеча горела».*

А это в малоархангельском поселке Прогресс. Что тут, на окраине города. И живут тут рядочком да ладочком Королевы. Она – бывшая доярка, он – бывший механизатор. И ждут они на побывку сына. А сын у них – настоятель коренского монастыря, отсюда родом, малоархангельский. Королев Вадим Николаевич – это в миру, а по-церковному – отец Виктор.

И ведут они к себе домой меня. Показывают свой домашний уголок. Под лампадкой, с коренской святой водой.

И снова в центре Малоархангельска, у фонтана.

А это я, ваш покорный слуга, там же – в центре города, в центре событий.

Пушкин – достопримечательность города.

Наши гости из французской Швейцарии у нас в Малоархангельске.

Наш человек, россиянин.

Свобода

На школьных тетрадях моих,
На парте моей, на деревьях,
На теплом песке, на снегу -
Пишу я имя твое.

На каждой странице прочтенной,
На каждой белой странице,
На грубой бумаге иль пепле -
Пишу я имя твое.

На синих расколотых неба,
На кратерах острых Луны,
На солнечных океанах -
Пишу я имя твое.

На ветрах в витринах настезь,
На полуоткрытости губ,
Взывающих и молящих,
Пишу я имя твое.

На брошенных бастионах,
На срытых фонарных столбах,
На желтой тоске безмерной -
Пишу я имя твое.

На одре своем безнадежном,
На вечном своем одиночестве,
На тризны трауре черном -
Пишу я имя твое.

На Солнце, в груди возвращенном,
На здравии возвращенном,
На дерзости тщетных надежд -
Пишу я имя твое.

С могущества этого слова
Опять начинается жизнь,
И я возвращаюсь, как Феникс,
Чтоб только тебя называть,
О, Свободы!

Поль Элюар
в переводе
Леонарда Золотарева.

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА

(Девять заповедей)

По словам С. Гейченко – первого директора Пушкинского музея в Михайловском, Александр Сергеевич Пушкин знал «Заповеди блаженств» и претворял их в своем творчестве.

Заповедь первая

Блаженны те, кто в духе высшем
В небесном царстве ищут пищи.
Несут им звезды горний свет -
Все девять солнечных планет.

Дарует Небо убежденье,
Блаженства - радости земные.
Мы - наивысшее творенье,
Мы все под Богом, все - родные.

Идем, как нищие с котомкой,
По свету Млечного Пути.
Нам все идти, идти, идти

От предков наших до потомков.
Смиренны мы и милосердны,
В нас благодати вдохновенны.

Заповедь вторая

Блаженны те, кто безутешны,
Все плачут, что там слезы им.
Даруй им, Небо, дождик спешный,
Пуускай утешатся земным.

Мы нагрешили очень много,
В грехе все падаем, встаем.
Пошли, небесная дорога,
Нам всепрощение свое.

Мы сокрушаемся, мы будем
Достойны, лучшими отныне.
Но мы не боги - в каждом сыне

И в каждой дочери просто люди.
Возьми, о Небо, нашу болесьть
И успокой нам душу, совесть.

Заповедь третья

Блаженны те, кто сердцем кротки
И ждут того же от других.
А лета все-таки коротки
У всех мыслителей таких.

Но кем наследуются земли
И кто придет - они идут,
Так это те, чьи благи семьи.
В каких не ропщут и не лгут.

Когда они и им прощают,
Во зле едва ль утонем мы.
Хоть царства нам и обещают,

Да где тот храм у той кромы?
Мы терпеливы, нам прощенье
И посылают за терпенье.

Заповедь четвертая

Блаженны те, кто жаждут Правды.
Живут алканием своим.
Из Веры изопьют однажды
И верят: дух непобедим.

Подобно питию и пище,
Тот дух питает тело их.
Спасает душу сирым, нищим
Одна победа на двоих -

Тебя и истины всеобщей.
Тернист и ненасытен путь,
Но веришь ты в живые мощи,

В свою божественную суть.
Неси вериги на себе
С сознанием: Истина - в тебе!

Заповедь пятая

Блаженны - милостивы те,
Кто милосердны, сострадальцы.
Ведите падших к Красоте,
Как к алтарям бредут скитальцы.

Скрываясь в тернии души,
В никем не видимые слезы,
Спускайтесь со своих вершин,
Чтоб отвести от павших грозы.

Дадут ли голому одежды,
Возьмут ли на себя чей грех, -
Они несут тебе надежды,

Что ты ведь тоже Человек.
За подвиг их, великий труд
Им Боги руку подают.

Заповедь шестая

Блаженны те, кто чисты сердцем,
Не низшей степенью его,
Когда хоть капля лицедейства
В глубинах прячется всего.

А те чисты, в ком нет и тени,
И помышления на ложь.
В ком чистота, но без сомнений,
Когда устал уж, но идешь.

Бди, сердце, трепещи в груди!
Душа, от праха очищайся!
Иди, иди, но возвращайся!

Чтоб снова быть, но впереди!
И вечна страсть на совершенство,
Вот высочайшее блаженство!

Заповедь седьмая

Блаженны те, кто миротворцы,
Кто мир явился примирить,
Чтобы для всех сияло Солнце,
Чтобы глаза на все открыть.

Обиды прочь! И ссоры прочь!
Из сердца вон мечи и стрелы!
Какие дни! Какая ночь!
Но слепы мы, не оголтелы.

Встаем меж стрел - и флаги белы,
И руки подняты на стрелы.
Как к наивысшему лицу

Идем на все! Идем к Отцу!
Сыны Небес, Земли сыны -
Они Богами рождены.

Заповедь восьмая

Блаженны те, что изгнаны за Правду.
Что на гоненья век обречены.
За Истину - проклятия в награду,
За все Добро им - тяготы вины.

Будь терпелив! Дай мужества, о Небо!
Пройти и не сломиться, устоять.
Знай, в нищете, на корке черной хлеба,
Ты - свет в окне, нас, мучеников, - рать.

И ты в той рати не последний ратник.
И Правдой живы села, города.
И мы идем, мы все придем туда,

Где легионы наши многократней.
Не падай духом - голоден и наг!
И подвиг твой зачтут на небесах.

Заповедь девятая

Блаженны те, что, претерпев гоненья,
И до конца пройдя свой тяжкий путь,
Не потеряли радости, горенья,
Кому Любовь еще вздымает грудь.

На смерть готов, но смерть одолеваешь.
Готов страдать, давая жизнь другим.
Так сам себя, свой крест и понимаешь.
Стоишь за Правду, можешь и моги!

Останься благ в кипящих сонмах зла!
Останься светом, светел и во тьме!
Идешь босым по терниям, кроме,

Кровь мученика по следам тепла.
И подвиг твой, тот дом, который будет,
Признают, наконец-то, люди!

ЛИРИКА

На церковных куполах -
Крест небесный, бог и монах.
Вижу свет Михаила - Архангела
И как отсвет его Микельанджело.

Нас всегда зажигало и плавало
В куполах Михаила - Архангела
Золотое вселенское небо
Цвета зрелого житного хлеба.

Сколько отзвука, сколько духа!
В спину крестит меня старуха.
Треперстью не пить с лица,
Троеперстиям нет конца.

Видение отрока Варфоломея

Сергею Радонежскому

Взошед на холм и оглядя окрест
Своим всезрящим, вдохновенным оком,
Увидел Русь зеленой, божий перст
Над стороной в смятении, с пороком.

Он видел Русь пространной, как ей быть,
За плавно уходящими лесами.

Он был рожден провидеть и творить
Всю эту даль с родными голосами.

А Русь была тогда уже седой.
А он стоял, от радости немея.
И был он отрок, был он молодой,
-Молилась нам душа Варфоломея.

Сергей Радонежский

Орла в орде, шатра не увидать,
А Русь, как прежде, раздирает смута.
Но мне в астральность хочется летать -
За купола, где вечность, как минута.

Воспрянь, о Русь! Пстой, остановись!
С меча смой кровь загубленного брата.
Вокруг Москвы спиралью закрутись,
Пока спираль в нас, наше дело свято.

Пока Димитрий - наш великий князь -
При той спирали, - за свои пределы,
За Русь святую встанем, осенясь,
А не за эти розные уделы!

Уж триста лет висим, как на крюку.
Уж по-татарски мыслим без свободы.
Ушел на Дон в передовом полку
Червлёный стяг, с ним лик белобородый.

Он - Радонежский, ныне нам святой.
О, Дон-река! О, Русская земля!
О, Дмитрий сын Иванович Донской!
Астральный вождь московского Кремля.

Иван Калита

Всю жизнь собирал князь московский деньжонки
Весь век крохоборил - в мешок их, в поддон.
Потом, от греха, поцелует иконки
И, глядь, в Золотую Орлу на поклон.

Червонец с торговли, рублишко со смерда,
Копейка с лохмотьев, алтын на крови.
Слова ему в спину «Русь-матушку предал!»
Все сдюжишь, все стерпишь во имя любви.

Получит ярлык на княженье и снова
Пройдется с мешком по «дымам» - хорошо!
Шепнет лишь: «А это для дела святого».
Крест сыпешь последний, а как же еще?

Последний семишник, последнюю гривну.
Кусок от себя оторвешь, недоешь.
А он от жены утаит половину,
В казне залатает державную брешь,

От глаза в сторонке прикупит землицы,
Княжат пустопсовых приблизит деньгой.
И вот до орды протянулись границы.
И хану уж надо считаться с Москвой.

Известно, какая сегодня погода:
И дождь бесконечен, и все суета.
И как тут не вспомнится щедрость народа,
И наш собиратель Иван Калита.

Она стоит, церквушка на Нерли,
Как куколка, как песенка босая.
Не тает тучкой посеред Земли,
Не отвлекая мысль, не потрясая.

И рядом с речкой никого въяви.
А если бы была тут, скажем, Волга?
Или же Храм великий на крови?
Какой бы странник стаивал тут долго?

Кто ты, мой друже, освященный Богом,
Явился на пути нам с небеси?
И далее побрел я по дорогам -
Той Красотой и жив, иже еси.

Нести свой посох кто же надорвется?
Живи, пока способен удивляться.
Увидишь светел храм такой и задохнешься!
У Красоты не можешь настояться.

Царские бармы

Корона, скипетр, булава -
Кимвал царя, его права.
А ниже - просто человек.
И просто время, просто снег.

Но если не окажется дождя,
Какой-нибудь дождевики просто в поле,
Корона покачнется у вождя,
А трон - тем боле.

Корона, скипетр и держава, -
Конечно же, величие и слава.
Но я слежу за каплями дождя
На настроении вождя.

Новгородский колокол

Что ты есть, что ты будешь
Через тысячу лет?
А сегодня, а завтра,
На утро, в обед?

Отвечает мне колокол,
Этот колокол - дед,
Русь святая, великая,
Мать нам тысячу лет.

Все князья, полководцы,
Повеленье руки.
Да кого хоть водили-то,
Где сыны - мужики?

Где солдаты и пахари,
Где умельцы - творцы?
Вот за что под топорики
Клали выю борцы...

И фигурами - бронзой
Загудел вековик.
Про тебя, мать Россия,
Твой двухтысячный лик.

Чем откликнешься в мире,
Голосяка? А вот –
Как ударим о бронзу,
Так она и поет.

Звонящая кольчуга

Где бился, там и пал в стальной кольчуге.
И за Непрядвой, у ключа, лежит.
Росточек, изгибаясь от натуги,
Сквозь ребра ввысь себя уже стремится.

И, кольца от кольчуги поднимая,
Она вершиной целит в облака.
А он лежит, себя не понимая,
Так и оставшись молодым слегка.

И он уже не слышит в этой позе,
Глазами опираясь о зенит,
Как высоко на ветке, на березе,
Над ним кольчуга тоненько звенит.

КОММЕНТАРИИ

Вот он перед глазами - этот фотороман в стихах, песнях и прозе. Пройдем же по всем его четырем книгам и отметим то, что хочется отметить, что, на мой взгляд, заслуживает внимания. По Эмпидоклу - существует четыре стихии: Земли и Воды, Огня и Неба. Эту мысль проводит и Ф.И. Тютчев.

Книга первая. Моя малая Родина.

В этой книге взаимодействуют две стихии: Земли и Воды. Это представлено на фото Малого города и южного края Орловщины. Земля - степь широкая, Вода - исток Оки, Тихой Сосны - верхнего притока Тихого Дона, изобилие прудов, ручьев, всевозможных водоемов.

Что тут необычного? Наши предки, скифы-сколоты, выращивали в этих местах хлеба с незапамятной древности, а именно, с гомеровских времен. В Луковской излучке, напротив колодца Девятая Пятница, вливается в Сосну малая речка Дайменка. Городище тут, ему свыше двух тысяч лет. Сюда, вполне возможно, приезжал за хлебом еще царь Одиссей. Значит, это зона устойчивого земледелия. Столько веков тут выращиваются хлеба. Почему? Главные компоненты: земля - чернозем и наличие воды. На своем веку помню тут только одну настоящую засуху: 47-го года. На четвертый год после 43-го, буйство в бит-

ве Огня, сказавшегося, безусловно, на экологии. И вот по телевидению вчера показывают Саратовскую область: выжженная степь, хилые, редкие колоски, даже саранче нечего взять на полях.

В Поволжье, на Кубани, в Оренбуржье это нередко случается. Житницами страны считаются, а зоны рискованного земледелия. Мысль моя оттолкнулась от Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, где я, побывав, видел, как в Ферганской долине выращивают хлопок, а под Кзыл-Ордой на чеках сажают рис. И все, заметим, зависит от воды, от полива. А реки, начинаясь с гор, текут мимо, и берега сухие, выжжены солнцем. Все приходится поливать. Так и на Урале, как на Волге, в той же Самарской области.

В Малоархангельске проводятся Сопровождения то 46 хлебопекающих регионов России (2009), то центральных областей страны (2012).

На них работают академики, руководители, практики по вопросам науки, селекции. Но я о другом.

Вода - это жизнь. А где берется Вода, с чего обычно начинается? С гор. И в Средней Азии, и сибирские реки, и на Кавказе: Кубань и Терек. Именно с гор, где происходит конденсация, получается влага; в горах лежат вечные снега, паковые льды, с них и начинаются водные потоки, в которые и вливаются всякие реки и речки. Конечно, с моря, в Европе - с Атлантики, откуда приходят дожди. Но

ведь и оттуда влагу тянет больше туда, где уже влажно, к воде. Как копейку к рублю.

Так что же влечет влагу к малоархангельской степи? Почему эта местность не считается зоной рискованного земледелия? Ока начинается тут, в Малоархангельском крае, вместе с Сосной-рекой, и текут они далее, в разные стороны именно отсюда. Тут самое высокое место Среднерусской возвышенности.

Уральские горы - полуразрушенные, невысокие горы. Тут были тоже горы, но в связи с эволюцией Земли разрушились, опустились, стали не такими высокими. Однако по-прежнему отсюда стекает Кама, которую в древности считали Волгой. Среднерусская возвышенность то же, что и Урал. Малоархангельск с его семью холмами переднего и дальнего плана представляет собой, скорее всего, плоский кратер, позволим себе предложить, некогда, в незапамятные времена, взорвавшегося вулкана. Из него, заросшего травой, ставшего черноземным, и вытекает это изобилие ручьев, речек превращаемых в водоемы.

Обратите внимание: КМА в этих местах, Курская магнитная аномалия; много тут чего в недрах, кроме железной руды, есть даже золото, бокситы. Как на Урале, где сосредоточена почти вся таблица Менделеева. Это ли не доказательство того, что в какие-то эры тоже были тут горы. А еще девонские белые глины?..

Книга вторая. Русское поле, седые хлеба.

В этой книге как бы продолжение тех же двух стихий - Земли и Воды. Земля и люди. Вода и пруды.

Тут мне хотелось бы отметить, как люди обживают две этих стихии, превращая их в высшее достижение народа, живущего в этих местах. В данном случае, русских людей, русского народа - это достояние само Русское Слово, наша родная русская речь.

Начнем с Пушкина, памятник которому мы видим в центре Малого города. Здесь 6 июня, в День рождения поэта, мной теперь проводится Праздник Русского Языка, Русского Слова. И далее следуют т.н. фоновые места, связанные с литературными именами: поселок Онегино, пруд в Костюрино, рядом с усадьбой фон Рутцена - прототипа тургеневского Рудина в «Нови», деревня Мишково и краешек его поселок Тургеневский, где жила когда-то Юлия Вревская - тоже прототип тургеневской героини. За селом Ивань в сторону Топков - тургеневского имения - имеется поле, до сих пор называемое «тургинкой». За Глазуновкой - деревня Старое Горохово, родина Николая Семеновича Лескова.

Устье Оки у меня лично всегда связывается с именем моего любимого поэта Сергея Есенина, который всегда с интересом смотрел на верховья Оки со своей Оки серединой, широкой, что течет в его Константиново. Когда-

то были мы тут на отдыхе с орловскими журналистами, у истока Оки, это произвело на меня на столько сильное впечатление, что тут же во мне проявилась мелодия. И, отойдя в сторону, к шумящей трубочке Оки, стал напевать я себе потихоньку такие слова Сергея Есенина:

- Дай, Джим, на счастье лапу мне,

Такую лапу не видал я сроду.

Давай с тобой полаем при луне

На теплую бесшумную погоду.

А в Старом Горохове я, помню, встретил кузнеца, который, как лесковский Левша, мог бы подковать и блоху, а сельхозинвентарь виртуозно чинил - это уж точно, чтобы работать на поле, чтобы хорошо родились хлеба. Я и написал о том такой очерк про нынешнего Левшу, который назвал «Седые хлеба».

Книга третья. Крылатый солдат.

Тут в 43-м поработала Стихия Огня. На мой взгляд, она так повлияла на экологию, что в 47-м у нас тут случилась засуха. С питанием, помню, стало тогда труднее, чем даже в войну. Люди голодали, не хватало хлеба. А как было тут с полями сразу после войны? Поля копали лопатами, зерно для сева носили со станции на горбу за десятки километров. А в полях еще стояли «битые» танки - и наши, и немецкие. А механизаторов, подрывающихся на минах, как и детей войны, все возили и возили в больницу. За-

каты казались краснее, а кости солдатские на обочине по дороге на станцию были, при луне, белее, чем днем. Вот как описано мной подобное в «Слове о полку Игореве»:

«Бьются весь день,
Пьют все до дна –
Пали на третий день Игоря стяги.
Братьям опять не хватило вина –
Красной целительной влаги.

Так и закончили русичи пир.
Выпили сами - сватов напоили.
Сами легли во всю степь, на весь мир,
Русскую землю прикрыли».

Если согласиться, что Малоархангельск лежит на древнейшем вулкане, то вокруг него магнетические (КМА), торсионные силы, которые, помогая нам в 43-м, отбрасывали вовне от себя танковые армады врага. Русское поле испокон служило – тут нам, Отечеству.

**Книга четвертая. Коренная пустынь,
на земле просиявшая.**

Из коренских молитв.

«Великочтимая
Владычица моя,

Пресвятая Госпожа,
Всепречистая Дева,
Богородица Мария,
Мать Божия,
Несомненная и
Единственная моя Надежда,
Не гнушайся меня, не отвергай,
Заступись, попроси, услышь...
Госпожа, помоги, прости, прости,
Пречистая!»

«Всегда и всюду проверяй себя –
В Духе ли я Святом?»
Серафим Саровский.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Городок, имеющий лицо.

(очерк)

Написать о Малоархангельске мне захотелось, читая интервью писателя лауреата Нобелевской премии Паоло Куэльо. Он пишет, что в 21 веке люди будут отдавать предпочтение радостям и удовольствиям, за которые не нужно платить. Это может быть красивый пейзаж, увлекательная прогулка, посещение рынка в маленьком провинциальном городке. И мы подумали о Малоархангельске, где рынок, действительно, доставляет удовольствие его жителям. С утра пораньше, нарядные, они дружно шагают на обустроенную Рыночную площадь, чтобы что-то купить, на что-то полюбоваться, с кем-то встретиться. Рынок радуется своим изобилием, здесь можно купить все, что и в областном центре: те же продукты, те же промышленные товары, тут пожалуй, те же цены. Но радости прибавилось, когда мы стали сравнивать с нашими рынки маленьких французских городов, где бывали во время путешествий по Франции. Хочется сказать о продовольственных товарах: там на рынках продают в основном то, что и производят. У нас же - это колбасы московских комбинатов: Микояновского, Останкинского, Черкизовского и т. д. А там стоит немолодой французский фермер с

усами, как у Тартарена из Тараскона, с загорелым лицом и доброжелательной улыбкой и предлагает вам такие домашние колбаски, что у вас слюнки текут, и вы не уйдете, не купив хотя бы одну такую аппетитную колбаску. А если это мед, то его будет столько сортов и в таких разного размера симпатичных баночках, что этот рынок маленького города в Провансе можно сравнить с ярмаркой меда в Коломенском, в Москве. А оливки - местный продукт - выбор просто поражает тем, что это не консервная фабрика, а люди, у которых на участке растет два-три десятка оливковых деревьев. У нас же из местных продуктов это три - пять человек с молочной продукцией: у каждой две - три банки молока, столько же баночек сметаны и совершенно одинакового, абсолютно обезжиренного творога, в который ты можешь вылить сразу всю баночку сметаны, но от этого вкусным он не станет. В мясном отделе тоже ничего, кроме свинины.

А ведь район сельскохозяйственный, выращивает хлеб, который «всему голова». Действительно, в хлебном магазине можно насчитать десятка полтора видов хлебо-булочных изделий, довольно вкусные, есть и такие, которые не купишь в других местах. И здесь открывается огромное поле для предпринимательства. Где, как не здесь, в русской глубинке, хочется возродить традицию, например, русских пирожков. Их может быть тут великое мно-

гообразии: с капустой, картошкой, грибами, творогом, мясом, печенкой, луком и так далее; без них на Руси не обходилось ни одно застолье, название «пирожок» происходит от слова «пир». Их подавали и к первому блюду, и к чаю на десерт, и как закуску под водочку. А если устроить акцию «День пирожка» и привлечь к участию жителей города, представляете? И бабушки оказались бы при деле, и внуки - вот вам и связь поколений, и сохранение традиций, и праздник для всего честного народа. А там, глядишь, нашлись бы активные люди и открыли бы мини-пекарню, и пекли бы не только вкусные пирожки, но и пышки, ржаные лепешки, ватрушки. И бездрожжевой хлеб, и пироги с фруктами, которых тут великое множество: яблочный пирог, с грушами, сливами и т. д. Глядишь, и туристы сюда потянулись бы. Городок-то становится красивым, обустроенным, цивилизованным. Главное, он газифицирован, асфальтирован, вдоль чистых улиц стоят симпатичные дома, везде зелень и цветы. В центре теперь большая Центральная площадь, обрамленная приличными домами, покрашенными в приятные тона. Весь город утопает в зелени: и экзотическая туя в центре города, недалеко - бюст Пушкина на фоне выросших вечнозеленых елей, у магазина «Мария» великолепный красавец - каштан, а через дом от библиотеки в начале лета так цвел белыми шапками куст «буль де

неж», похожий на батумские гортензии, что сюда можно водить на экскурсию. А по «бетонке» вверх, перед дорогой на Глазунову, есть небольшой уголок - настоящий дендрарий из каштанов, платанов, рябин, плакучих ив, сосен, елей, берез - и все это чудо выросло почти само по себе, их сажали без специального подбора. В Никулинском саду можно сформировать свой ботанический сад. Город приобретает свой стиль, становится непохожим на другие, может быть, самым красивым из всех райцентров Орловщины. Его возрождение и преобразование вполне вписываются в отечественные проекты, так как мощь и сила всегда шли от земли, здесь формировалась нравственность, были сильные национальные языковые традиции.

Но и лет сорок тому назад, когда все здесь было не вполне благоустроено, город был ценен тем, что в нем жили интересные, уникальные люди, настоящие личности, которыми Малоархангельск всегда будет гордиться. Это Мария Федоровна Зубарева - преподаватель русского языка и литературы с университетским образованием, тогда университеты были только в больших городах, она окончила Воронежский, была учителем высочайшего класса. А рядом с ней была другая, молодая Мария Федоровна Ефремова, ставшая достойной сменой своей предшественницы и наставницы. Вадим Андреевич Ефремов

- образец мужчины учителя школы: выдержанный, спокойный, знающий свое дело, порядочный. А супруги математики Семеновы, воспитавшие четырех сыновей, все получили в Москве высшее образование, а скольким еще ребятам супруги дали путевку в московские вузы. А Юлия Сергеевна Колесникова – моя соседка, замечательная учительница, человек с чувством юмора, всегда приветливая, доброжелательная. Как хорошо, что благодарные ученики 1969 года выпуска поставили ей на могиле памятник; значит, ничто на земле не проходит бесследно, влияние личности учителя в воспитании детей всегда будет важнейшим фактором. А Иван Алексеевич Семеновский, большой заслугой которого в школе было то, что на своих уроках он раскрепощал детей, уже тогда отдавая часть урока самостоятельной работе, когда ребята могли рисовать, что хотели и как умели. Вера Васильевна Торсукова – сильная, уверенная, осталась в моей памяти как человек справедливый, объективный, не боящийся высказать свое мнение. Увлеченный молодой педагог Виктор Андреевич Шинкаренко много делал для укрепления и развития физической формы подрастающего поколения. Когда мы теперь думаем об этом коллективе, где проработали недолго, до сих пор вспоминаем всех с теплотой и удивляемся, что в одной школе было столько самобытных, цельных натур. А сколько других коллег, наших друзей было у нас

в городке? Геннадий Ефимович Ефремов - эрудит, самостоятельно выучивший несколько иностранных языков, настоящий русский интеллигент чеховского типа, которых встретишь разве что на кафедре столичного вуза, а не только в обычной школе, где-нибудь в глубинке. Не одно поколение испытало влияние этого человека, сеявшего разумное, доброе, вечное.

Хочется сказать о Генрихе Рыбникове, нашем товарище, у которого была очень богатая, удивительная библиотека. Он жил в своем книжном мире, летом совершал небольшие путешествия в большие города и был счастлив. Я помню о бесценном подарке, который он мне сделал. Мы знаем, как дорожат книголюбцы каждой своей книгой, тем более, что в то время они не лежали на прилавках, как сейчас. Узнал, что я люблю французскую писательницу Франсуазу Саган (она была нашего поколения, в 19 лет написала свой первый роман «Немного солнца в холодной воде», который сразу сделал ее известной). Я роман прочитала на французском языке в Москве, в Ленинской библиотеке. Генрих где-то купил эту книгу в русском переводе, ее и сейчас нелегко купить, но он расстался с этой книгой, подарив ее мне. Нет теперь с нами ни Генриха, ни Саган, а я вспоминаю их вместе с благодарностью, одну за то, что писала хорошие книги, а второго - за такой дорогой для меня подарок.

А еще здесь жила учительница французского языка - Анна Васильевна Иванова, которая получила еще до революции образование в Дижоне, во Франции, я еще застала ее в живых, но она уже не работала в школе, была на пенсии, однако очень влияла на молодых. А друг с детства Леонарда Михайловича Юрий Григорьевич Поздняков, основавший тут Детскую музыкальную школу? Помним, как пели мы с ним под гитару романсы, русские песни. Конечно, любое место красят люди, которые здесь живут. Они немало трудятся, чтобы их город хорошел, становился более современным. Они достойны получить от жизни свою долю счастья. Христианское понимание счастья в том и состоит, что человек думает не только о себе, но и о других. А когда каждый отдает хоть немного души другим, и получается замечательно. Хорошо, когда хорошо каждому, твоей родине, твоему замечательному городку, за который когда-то было отдано столько прекрасных человеческих жизней. Мал золотник, да дорог.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. Автор.....	3
Книга первая. Моя малая родина.....	7
Книга вторая. Русское поле, седые хлеба.....	63
Книга третья. Крылатый солдат.....	101
Книга четвертая. Коренная пустынь, на земле просиявшая.....	171
Комментарии.....	225
Вместо послесловия. Городок, имеющий лицо (очерк).....	232

Леонард Золотарев

**Малоархангельск
Глубинка русская моя**
(фотороман со стихами, песнями, прозой)

Корректурa автора

дизайн и верстка Гусева Э.А.

Издатель Александр Воробьев

Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г.,

выдана Министерством Российской Федерации

по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Подписано в печать 01.02.2013 г. Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,95. Заказ №4 . Тираж 200 экз.

Отпечатано на полиграфической базе

Издателя Александра Воробьева: 302004, г. Орел, ул. 3-я Курская, д. 20

Тел./факс (4862) 76-17-15, 54-15-48, 8-910-748-1205

E-mail: zakaz@orlik-id.ru

Сайт издательства: www.orlik-id.ru